

Котабо
Хронос Арканум

Котабо Котабо

Хронос Арканум

<https://litres.ru/74324962>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если время — это не река, текущая в одну сторону, а живая ткань, которую можно слышать и с которой можно синхронизироваться?

Трое людей — учёный, оператор и шаманка — обнаруживают, что их восприятие реальности связано с древним знанием, которое существовало во всех культурах мира: от египетских жрецов и греческих философов до славянских волхвов и шаманов Сибири. Они называли время голосом, а не потоком — и это знание было утеряно, но не исчезло.

Преследуемые таинственной организацией, герои отправляются в путешествие по двенадцати узлам времени — от пирамид Гизы до Алтая и Антарктиды. Их путь — это не борьба за контроль, а процесс вспоминания того, что человечество всегда знало: время не управляется — оно слышится.

Философская фэнтези с элементами мистического триллера и эзотерической прозы. Для тех, кто ищет глубину в жанре, верит в единство мифов и хочет прочесть историю, где современная наука и древняя мудрость встречаются.

Котабо

Хронос Арканум

«Что такое время? Когда меня не спрашивают, я знаю, что это. Когда же меня спрашивают, я не знаю, что и сказать» — Аврелий Августин.

Книга первая: «Хронос Арканум: Двенадцать стражей Скрижали»

Пролог: глас из вне времени

Никто не помнит, когда это началось. Потому что для них «начало» не существует.

Они — Двенадцать. Не боги. Не ангелы. Не алгоритмы. Они — узлы, на которых держится ткань. Каждый из них — живая петля в Скрижали, которая сплетает всё сущее: от первого вздоха первой клетки до последнего взгляда звёзд на остывающую вселенную.

Их имена звучат как шёпот ветра в пустоте между атомами:

Архон, Синектика, Анор, Каир, Мнемос, Проноя, Ферокс, Люцина, Ордо, Экстатис, Стелла, Терминус.

Они не говорят на языках смертных. Но те, кто слышит, записывают как могут. В клинописи. В рунах. В звёздных картах. В формулах квантовой физики. В узорах на шаманских бубнах. В спиральных Самоики.

Двенадцать — это стражи, но не тюремщики. Они охра-

няют **Тишину** — тот первозданный фон, на котором звучит само Время. Если Тишина будет нарушена, Скрижаль треснет. И тогда прошлое начнёт пожирать будущее, а настоящее станет просто болезненной точкой между ними.

Они ждали. Терпеливо. Тысячелетиями.

Но сейчас, в эпоху, которую люди называют «двадцать первым веком», что-то изменилось. Трое смертных — в разных концах Земли — одновременно коснулись нитей, которые не должны были быть доступны.

И Двенадцать зашевелились в своих спящих чертогах.

Первый из них — тот, кого на древнем языке называли **Мнемос** — Хранитель Памяти — открыл свои незримые очи.

«Они начали», — сказал он.

Ему ответила **Проня**, та, что видит все ветви будущего:

«Они всегда начинают. Вопрос в том, завершат ли».

«Мы не можем вмешиваться», — напомнил **Каир**, владыка текущего момента. — «Таков закон, установленный Ключником».

И тогда впервые за долгие эпохи заговорил тот, кого они называли **Терминус**. Последний из Двенадцати. Хранитель конца.

«Махди не устанавливал законы. Он лишь сказал: «Когда они будут готовы — вы станете их частью. А пока — оставайтесь тенями, отбрасываемыми их собственным сознанием».

Над Скрижалю, пронизывающей всё сущее, пробежала

дрожь.

Где-то в Италии, в подземных залах Даманхура, зажглась золотая спираль.

Где-то в Швейцарии, в бетонных недрах, ослепительно вспыхнул квантовый процессор.

Где-то на Алтае, у костра, старая шаманка Айына рассыпала сухие кости и замерла, глядя на их узор, который никогда раньше не видела.

Она прошептала: «Они близко... Двенадцать оленей бегут по небу».

Это был момент перед Сбоем

Память народов

Задолго до того, как Элио коснулся первой спирали, задолго до того, как Надя увидела сбой в «Мерлине», задолго до того, как Тара услышала голос Алтая, — Двенадцать уже были известны людям.

Их называли разными именами, но суть была одна.

В Египте их знали как стражей Дуата — двенадцать врат, через которые душа проходит, чтобы встретить вечность. Жрецы говорили: «Время — это река, текущая через сердце Осириса».

В Индии их называли Адитьями — двенадцать солнечных богов, которые поддерживают космический порядок Рита. Мудрецы говорили: «Время — это танец Шивы, который разрушает, чтобы создать заново».

В Греции их звали Мойрами и Хроносом. Пряхи судьбы,

которые ткнут нить жизни, и старец с песочными часами, который неумолим. Философы говорили: «Время — это движущийся образ вечности».

У Майя их называли Богами-Носильщиками Времени. Жрецы вели календари, которые исчисляли эпохи в миллионы лет. Они говорили: «Время — это ноша, которую несёт мир. Когда ноша становится слишком тяжёлой, мир перерождается».

В Китае их называли Нефритовыми Императорами Эпох. Астрологи наблюдали за движением планет и говорили: «Время — это танец небесных тел, и каждый, кто умеет слушать, слышит его музыку».

В Скандинавии их называли Норнами — тремя, которые сидят у корней Иггдрасиля и поливают древо времени. Скальды говорили: «Время — это дерево, чьи корни уходят в прошлое, а крона касается будущего».

Все они знали одно: время — это не линия. Это ткань. И Двенадцать — это узлы, которые удерживают её от распада.

Теперь, в эпоху, которую люди называют «двадцать первым веком», эта ткань начала истончаться. Ибо трое смертных в разных концах Земли коснулись её одновременно.

Как когда-то касались жрецы Египта, мудрецы Индии, философы Греции и астрономы Майя.

Но они не знали, чем это может обернуться

Глава 1: спираль не прощает

Италия. Северные склоны Альп. Федерация Даманхур. Вечер.

Тёплый воздух в зале «Металла» пах озоном и старым серебром.

Доктор Элио Риччи стоял у центральной конструкции — огромной спирали, скрученной из восьмидесяти семи колец меди, серебра и золота. Она висела в воздухе без видимой опоры, поддерживаемая только гравитационным полем, созданным сложнейшей системой магнитов — или, как говорили в Даманхуре, «энергетическим согласием материалов».

Сегодня был четырнадцатый эксперимент группы «Временная Навигация».

— Зафиксируйте смещение по шкале дельты, — сказал Элио в микрофон, вшитый в воротник его белой льняной рубашки.

— Смещение есть, — ответил женский голос из динамиков. — Спектральный анализ показывает искажение волновой функции на 0,47 %. Это новый рекорд, доктор.

Элио не улыбнулся. Четырнадцатый эксперимент. Четырнадцать раз они подходили к тому, чтобы «почувствовать» время как живую субстанцию. Четырнадцать раз что-то шло не так.

На первом эксперименте у оператора случился эпилептический припадок, и он начал говорить на древнегреческом. На третьем — спираль нагрелась до такой температуры, что расплавила пол под собой, хотя термометры показы-

вали комнатную температуру. На девятом — все участники группы одновременно заплакали, не в силах объяснить причину. У них просто текли слёзы, как будто они оплакивали мир, который уже был потерян.

Элио знал, что Даманхур — не просто община. Это скорее организм. Живой, пульсирующий, пронизанный верой в то, что человек может стать больше, чем биологическая машина. Он пришёл сюда десять лет назад как скептик-нейрофизиолог, уставший от академической науки, которая объясняла сознание как просто «побочный продукт» нейронной активности. Здесь ему дали лабораторию. Здесь ему разрешили скрестить вещи, которые в университете назвали бы бредом: физику, мистику, алхимию и нейробиологию.

Результатом стала Самоика. Эти спирали, которые, по их теории, работали как «антенны» для временных потоков.

Но сегодня, стоя перед конструкцией, Элио впервые ощутил не просто исследовательский интерес. Он ощутил **страх**.

— Активируйте резонансную частоту на 528 герц, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Готово. Частота подана.

Спираль начала вибрировать. Сначала тихо, почти неслышно. Потом по залу прошёл низкий гул — как будто сама земля запела. Элио чувствовал, как его кости резонируют в такт с этим звуком. Это был тот самый момент, когда он переставал быть просто учёным — и становился проводником.

Внезапно спираль вспыхнула ослепительным сиянием. Но это был не свет в физическом смысле — он не освещал стены, не отражался от металла. Он был внутри головы. Прямо в зрительной коре.

Элио вскрикнул и отшатнулся, но его тело словно приросло к полу.

Он увидел.

Это было не видение. Это было... **воспоминание о том, чего ещё не случилось.**

Он стоял посреди гигантского пустого пространства. Вокруг него — бесконечные нити, переплетающиеся в узлы. Каждый узел пульсировал, как сердце. И над всем этим — двенадцать теней.

Тени не были людьми. Они были формами. Смыслами. Но Элио понял их без слов.

— Что вы такое? — мысленно спросил он.

Ответ пришёл, как холодный ветер в разуме:

— **Мы — то, что вы называете Временем. Ваша Самоика — это игрушка. Вы трогаете то, что не должны трогать. Но вы не можете сломать Скрижаль... пока.**

Элио попытался спросить ещё, но видение схлопнулось.

Он очнулся на полу зала. Над ним склонились лица коллег. Их рты двигались, но он не слышал звука. Только его собственный голос, который он сам не узнавал:

— Двенадцать... их двенадцать...

Через минуту он уже сидел, прижимая ладони к вискам.

— Что мы сделали? — прошептал он.

— Это был успех, — ответила ему ассистентка Марта, её глаза горели лихорадочным блеском. — Ты на секунду вышел за пределы своего временного контура. Ты побывал там.

Элио посмотрел на спираль. Она больше не вибрировала. Но он заметил то, чего не замечал раньше: на поверхности меди появилась тонкая, едва заметная трещина. Как будто металл устал.

— Снимите эксперимент, — сказал он глухо. — Мы сворачиваемся. На неопределённое время.

— Но, доктор! Мы приближаемся к прорыву!

— Мы приближаемся к пропасти, — ответил он. — И я не хочу знать, что на её дне.

Он быстро вышел из зала, оставив позади гудящие голоса и запах озона.

Когда он оказался в коридоре, освещённом тёплыми керамическими лампами, он прислонился к стене и выдохнул.

В его голове звучало одно слово, чужое и древнее:

"Мнемос".

Где-то в глубинах его памяти, куда он никогда не заглядывал, это слово уже жило.

Швейцария. Кантон Во. Подземный комплекс «Цербер». Той же ночью.

Агент Надя Вольф сидела перед мерцающим интерфейсом, в котором картинки сменяли друг друга быстрее, чем мог воспринять человеческий глаз.

Она была лучшим оператором квантовой визуализации в проекте «Хронос». Её задача заключалась в том, чтобы «читать» результаты расчётов временных ветвей, которые генерировал суперкомпьютер «Мерлин». На самом деле, это было не совсем «чтение». Это была синестезия — она буквально видела время как цветное поле, а переключение между ветвями ощущалось как движение между комнатами.

«Хронос» не был эзотерическим проектом. Это был государственный, засекреченный, с бюджетом, который мог бы прокормить небольшую страну. Их задача: спрогнозировать глобальные кризисы за десять лет до их возникновения. Они уже спасли Европу от трёх экономических катастроф и предотвратили одну экологическую войну.

Но сегодня случилось нечто странное.

— Надя, смотри, — сказал её напарник, техник Саша. — Ветвь 347-F. Она... заиклилась.

Надя переключила поле. И замерла.

Ветвь 347-F была одним из вероятных будущих, которое «Мерлин» рассчитывал, как наиболее стабильное. Но теперь оно выглядело не как плавная кривая, а как сломанная спираль — та же самая форма, которую она однажды видела в старом журнале про Даманхур, ещё до того, как стала агентом.

— Это ошибка, — сказала она. — Сбой алгоритма.

— Проверяли трижды. Ошибок нет. Но эта ветвь... она будто не принадлежит нашему времени. Она со стороны.

Надя почувствовала, что её голова начинает гудеть. Это всегда происходило, когда она слишком долго смотрела на нестабильные временные структуры.

Она закрыла глаза, чтобы перевести дыхание.

И вдруг увидела.

Не интерфейс. Не поле. А их.

Двенадцать. Тени. Они стояли вокруг неё в тёмном, бесконечном пространстве. Одна из них приблизилась и коснулась её виска — мягко, почти с любовью.

— Ты видишь нас, Проня? — спросил голос.

— Я не Проня, — ответила Надя. — Я агент Вольф.

— Ты носишь её частоту, — услышала она в ответ. — Ты не знаешь, но ты всегда была её проводником. И сейчас время близко. Вы все трое...

— Кто — мы?

Но видение исчезло так же внезапно, как возникло.

Надя открыла глаза и увидела, что интерфейс «Мерлина» погас. Все расчёты сбросились. Экран был чист, как лист бумаги, и на нём горела только одна надпись:

"Ищи спираль. Спираль из металла. И тех, кто её создаёт".

Она медленно обернулась к Саше.

— Узнай всё о Даманхуре, — сказала она. — Немедленно.

Россия. Республика Алтай. Стоянка у подножия Белухи. Та же ночь.

Тара сидела у костра, глядя на танцующее пламя, и чувствовала, что мир становится «тонким».

Она всегда чувствовала это — с самого детства, когда бабушка Айына учила её «читать» время по узорам. Это не было гаданием. Это было странное состояние, в котором прошлое, настоящее и будущее переставали быть отдельными, а становились просто разными «звуками» одной и той же мелодии.

Но сейчас что-то изменилось.

Бабушка сидела напротив, чуть прикрыв глаза. Рядом с ней лежали кости — не простые, а древние, из тех, что передавались в их роду больше трёх сотен лет. Они были вырезаны из берцовой кости белого оленя.

— Бабушка, — тихо спросила Тара. — Ты видишь?

— Вижу, — ответила Айына, не открывая глаз. — Двенадцать оленей бегут по небу. Раньше я видела их только во снах. Сейчас — даже с открытыми глазами.

Она протянула руку и коснулась плеча Тары.

— Я тебя не просто так позвала. Кто-то на Западе коснулся того, что нельзя трогать. И эти касания отдаются здесь, в наших горах. Время болит.

— Что мы должны сделать?

— Ты должна поехать.

— Куда? В Италию? Или в Швейцарию? Мы ведь не знаем, где именно они ломают время.

— Ты не поедешь на поиски места. Ты поедешь на поиски людей. Их трое, — Айына перевела взгляд на кости. — Они сами не знают, что они — избранные, но каждый из них уже

услышал Голос. Один — в подземелье. Второй — в машине, что считает будущее. Третий... третий ещё не готов. Но он придёт.

Тара сжала в руке маленький амулет — спираль, вырезанную из дерева, которую ей подарила бабушка, когда ей было семь лет. Такая же, как та, которую она когда-то видела на картинке в книге про Даманхур.

— А что, если я не смогу?

Бабушка Айына улыбнулась. В её улыбке была вековая мудрость.

— Ты не можешь не смочь. Потому что ты — одна из двенадцати ветвей, которые ведут к Ключнику. Но ты ещё не знаешь этого. Иди. Спираль не прощает, но она и не предаёт. Она лишь ждёт.

Бабушка Айына растворилась в тумане.

Тара поднялась. Ветер с гор коснулся её лица, принёс запах сухой травы и снега.

Где-то там, на Западе, неизвестные люди играли с тем, что веками хранилось в их роду, как величайшая тайна.

Она не знала, спасёт ли их или уничтожит.

Но она знала, что должна ехать.

Где-то за пределами времени.

За пределами времени, Скрижаль тихо гудела, как натянутая струна. Мнемос стоял у самого края узора, его пальцы касались нитей, которые только что дрогнули.

— Этот учёный, — сказал он, не оборачиваясь. — Он не

просто коснулся. Он услышал.

Архон подошёл ближе, его форма была твёрдой, как гранит.

— Он испугался. Он отступил.

— Он не отступил, — возразил Каир, его голос был живым, как искра. — Он запаниковал. Но паника — это не трусость. Паника — это начало осознания.

Синектика сидела неподвижно, как спящая змея, её голос был тягучим, как время.

— Паника — это начало, — повторила она. — А что будет концом?

— Мы увидим, — сказал Мнемос. — Мы всегда видим. Он отпустил нить, и она дрогнула снова.

Глава 2: совет при тишине

Нет места, где они собираются. Но есть состояние — момент между ударами пульса Вселенной, когда Скрижаль слегка вибрирует и позволяет своим узлам соединиться.

Это не зал. Это не дворец. Это — **пустота**, которая помнит свет.

Двенадцать сущностей, которые называли себя Властелинами, собрались в этом промежутке. Они не имели тел в человеческом понимании — лишь формы, сотканные из смыслов и чисел. Но те, кто когда-либо видел их во снах или видениях, запоминали их как фигуры, состоящие из света и тени одновременно.

В центре этого пространства — **Скрижаль**. Она не бы-

ла предметом. Она была... узором. Бесконечной паутиной из линий, каждая из которых — целая вселенная. Линии переплетались, расходились, снова сходились в узлы. Время текло по ним, как вода по руслам рек.

Двенадцать стояли вокруг неё, каждый на своей «оси».

Мнемос заговорил первым.

Он был похож на старого человека с лицом, которое менялось каждую секунду: то юноша, то воин, то мудрец, то женщина. Он был памятью всего — каждой мысли, каждого слова, каждого мгновения, которое когда-либо существовало.

— *Я чувствую их,* — сказал он, и его голос звучал как шёпот тысяч голосов одновременно. — *Трое смертных коснулись Скрижали. Один — в подземелье, где металл поёт. Вторая — в машине, считающей вероятности. Третья... третья ещё не коснулась, но она уже идёт. И она несёт в себе древний код.*

Проноя шагнула вперёд. Её форма мерцала, как северное сияние, и в каждой её вспышке можно было увидеть миллионы вариантов будущего — одни светлые, другие тёмные, третьи — причудливые, как сны.

— *Я видела их возможные пути,* — произнесла она, и голос её был одновременно испуган и зачарован. — *В семидесяти двух процентах ветвей они объединяются и находят путь к нам. В двадцати восьми процентах — один из них погибает, и тогда всё рушится. Но есть одна ветвь... одна,*

которую я не могу прочитать. Она спрятана от меня.

Архон, владыка линейного времени, заговорил с тяжёлым, как камень, голосом. Его форма была строгой и прямой — словно колонна, уходящая в бесконечность.

— *Мы не должны позволять им приближаться. Закон, установленный Ключником, гласит: мы — стражи, а не учителя. Но если они сломают Скрижаль, все ветви схлопнутся в одну точку. Мы исчезнем. Они исчезнут. Всё исчезнет.*

Каир, тот, кто отвечал за настоящее, внезапно засмеялся. Его форма была похожа на вспышку молнии — неуловимая, яркая, живущая лишь одно мгновение.

— *О, Архон, ты всегда такой серьёзный! Они не сломают Скрижаль. Они даже не знают, что она существует. Но они чувствуют её, как мы чувствуем дыхание вселенной. И это — прекрасно. Это — момент.*

Он повернулся к **Синектике**, той, кто управляла циклами и перерождениями. Её форма напоминала спираль — ту самую, которую люди Даманхура пытались воспроизвести в металле.

— *Что скажешь ты, хранительница кругов? Время идёт по твоим законам.*

Синектика молчала несколько мгновений. Её голос звучал, как звук морского прибоя и шелест листьев одновременно — непрерывный, успокаивающий и вечный.

— *Всё возвращается, — сказала она. — Тысячи лет на-*

зад люди уже знали о нас. Они строили храмы, рисовали звёздные карты, записывали наши имена на глиняных табличках. Потом они забыли. Теперь они снова вспоминают. Это — не случайность. Это — ритм. Мы не можем вмешиваться, но мы можем наблюдать. Наша роль — быть свидетелями того, как они взрослеют.

Тогда вперёд выступил **Терминус**. Последний. Хранитель конца.

Он был самым тёмным из Двенадцати. Его форма казалась чёрной дырой, которая поглощала свет и не отдавала его обратно. Но те, кто смотрел в его глубину, видели не пустоту, а... завершённость. Тишину. Покой.

— *Вы говорите о них, как о детях,* — сказал он, и голос его был глубок, как бездна. — *Но вы забываете, что каждый из этих троих уже носит в себе наши частоты. Первый, в Италии, — он не просто исследователь. Он — пробуждённый узел, который когда-то был частью Мнемоса. Вторая, в Швейцарии, — она слышит Проную, сама того не осознавая. Третья, на Алтае, — она носит код, который старше нас всех. Она — последняя из тех, кто был с нами до начала времен.*

— Ты знаешь её? — спросил **Анор**, владыка событий и причинно-следственных связей.

— Я знаю всех, — ответил Терминус. — Я — конец. А конец знает всё, что было до него.

Люцина, та, что отвечала за свет Времени, засияла ярче.

Её форма была похожа на утреннюю звезду — нежная, ясная, но остроконечная.

— *Если они действительно пробудятся, то что мы будем делать? Мы просто позволим им прийти к нам? Мы позволим смертным стать нашими преемниками?*

— *Такова воля Ключника, — сказала Стелла, та, что управляла временем небесных тел. — Он сказал: «Когда человечество будет готово, вы станете их частью». Мы не исчезнем. Мы просто перестанем быть стражами и станем... ими. Или они станут нами.*

Ордо, хранитель порядка и структуры Скрижали, нахмурился. Его форма была похожа на кристаллическую решётку — правильную, строгую, почти механическую.

— *Это слишком рискованно. Мы не знаем, готовы ли они. Один из них уже увидел нас и испугался. Вторая получила сообщение через свою машину и ищет ответы. Третья ещё не знает, кто она. Если мы позволим им объединиться, они могут активировать процесс раньше времени.*

— *Это не наше решение, — мягко сказал Экстатис, тот, кто отвечал за творчество и вдохновение. Он был самым изменчивым из всех — его форма постоянно переливалась в цвета и узоры, которые не существовали в природе. — Решение уже принято. Оно было принято в тот момент, когда первый из них коснулся спирали. Мы можем лишь наблюдать и, если понадобится, — направлять, но не вмешиваться.*

Наступила тишина.

Двенадцать стояли вокруг Скрижали, глядя на пульсирующие нити. В центре узора, далеко внизу, они видели три маленькие точки — три человеческие судьбы, которые начинали двигаться навстречу друг другу.

Ферокс, тот, кто управлял временем конфликтов и трансформаций, заговорил последним. Его голос был жёстким и резким, как удар клинка.

— *Тогда слушайте меня, стражи. Мы не будем вмешиваться. Но мы не будем и спать. Мы будем наблюдать. Мы будем ждать. И если один из них падёт, если Скрижаль треснет, если Тишина будет нарушена...*

Он сделал паузу.

— *...мы примем меры. Не для того, чтобы спасти их. А для того, чтобы спасти всё, что было создано.*

Он повернулся к остальным.

— *Совет окончен.*

Один за другим Двенадцать начали растворяться в пустоте, возвращаясь в свои «контуры» — нити, которые они охраняли тысячи лет.

Но последним остался **Мнемос**.

Он смотрел на ту маленькую точку на Алтае. На девушку, которая собиралась в путь.

— *Ты не помнишь меня, дитя, —* прошептал он, хотя его голос не могли услышать смертные. — *Но я помню тебя. Ты была со мной в начале. И ты будешь со мной в конце.*

Он исчез.

И в пустоте, где только что собирался совет, не осталось ничего, кроме слабой вибрации — как будто кто-то тронул струну арфы и отпустил.

Где-то в Италии Элио стоял у окна своей комнаты, глядя на тёмные Альпы, и чувствовал, что он не один.

Где-то в Швейцарии Надя загружала файлы о Даманхуре, чувствуя, что её жизнь перестала быть её собственной.

Где-то в самолёте, летящем через Урал, Тара сжимала в руке деревянную спираль и смотрела в иллюминатор, за которым плыли облака, похожие на оленей.

Три судьбы, которые никогда не должны были встретиться, начинали своё движение к центру.

Скрижаль дрожала.

Тишина ждала.

Где-то за пределами времени.

Совет Двенадцати был не собранием, а дыханием. Они не обсуждали — они звучали.

Проноя стояла в центре узора, её форма была пронизана тысячами ветвей.

— Я вижу их путь, — сказала она. — Но я не вижу, где он заканчивается. Это пугает меня.

— Пугает? — переспросил Архон. — Ты, Проноя, боишься неизвестности?

— Не неизвестности, — ответила она. — Я боюсь, что

они выберут то, что мы не можем предсказать. И это будет правильно. И это будет страшно.

Экстатис засмеялся, его форма переливалась всеми цветами.

— Страшно! Это прекрасно! Страх — это начало творчества!

— Творчество — это хаос, — мрачно сказал Ферокс. — А хаос — это моя работа.

Мнемос поднял руку, и все замолчали.

— Они не знают, что делают, — сказал он. — Но они делают. И это — самое важное

Глава 3: спираль зовет

Италия. Федерация Даманхур. На следующий день после эксперимента.

Элио Риччи не спал тридцать шесть часов.

Он сидел в своей комнате — небольшом круглом помещении с окном, выходящим на альпийские луга, — и смотрел на рисунки, которые набросал на листах бумаги той ночью, сразу после того, как покинул зал «Металла».

Это были не его рисунки.

Он не умел рисовать. В детстве его работы на уроках искусства вызывали у учителей снисходительные улыбки. Но сейчас на двадцати листах были изображены вещи, которые он никогда не видел, но которые казались ему странно знакомыми.

Двенадцать фигур.

Они были разными: одна — прямая, как колонна; вторая — спиральная, как та Самоика, которую он создал; третья — мерцающая, с переливами света; четвёртая — тёмная, почти невидимая... Все они были уникальны, но в каждой чувствовалась одна и та же пульсация — ритм, который Элио узнал бы из тысячи.

Он знал, что это не галлюцинации. Он был нейрофизиологом. Он изучал собственный мозг достаточно долго, чтобы отличить сбой нейронов от... контакта.

Он провёл рукой по лицу. В комнате пахло утренним чаем и бумагой. За окном пели птицы, но он их не слышал.

— *Ты должен поговорить с ними,* — прошептал он себе.
— *Ты должен остановить это.*

Собрание старейшин состоялось в Зале Гармонии — просторном помещении с куполообразным потолком, где свет струился через витражи, изображающие созвездия. Здесь, среди мягкого света и тихой музыки, обычно принимались важные решения.

Элио стоял в центре, чувствуя себя не учёным, а обвиняемым.

Семь старейшин сидели полукругом на каменных скамьях. Самый старший из них, Маэстро Спирали — человек с седой бородой и глазами, которые видели больше, чем позволяла его физическая жизнь, — смотрел на Элио с лёгкой улыбкой.

— Ты хочешь остановить эксперименты, — сказал Маэст-

ро. Это был не вопрос, а утверждение.

— Да, — ответил Элио, стараясь говорить твёрдо. — То, что произошло вчера... это не просто прорыв. Это — вторжение. Что-то коснулось меня. Что-то, что мы не понимаем.

— Мы именно это и исследуем, — мягко ответила старейшина с длинными седыми волосами, которую звали Элеонора. Она была хранительницей архивов. — Мы ищем контакт с тем, что находится за пределами нашего линейного восприятия.

— Но мы не готовы к этому контакту! — Элио чувствовал, как голос начинает дрожать. — Я видел их. Их двенадцать. Они огромны — не по размеру, а по... по смыслу. Они как узлы, на которых держится реальность. И когда я коснулся одного из них, я понял, что мы всего лишь дети, играющие с ножом.

Старейшины переглянулись. В их взглядах не было страха. Только интерес.

Маэстро Спирали поднялся.

— Элио, — сказал он, подходя ближе. — Ты — наш лучший исследователь. Ты не просто учёный. Ты — тот, кто способен соединять науку и дух. Именно поэтому ты увидел то, что не увидел бы никто другой.

Он положил руку на плечо Элио.

— Ты сказал, что их двенадцать. Но это не угроза. Это — подтверждение. Тысячи лет назад наши предки знали о них. Они строили храмы, создавали ритуалы, записывали знания.

Даманхур не изобрёл Самоику — он вспомнил её. Мы не создаём новое. Мы пробуждаем древнее.

— Но что, если это пробуждение опасно? — настаивал Элио. — Что, если мы потревожим то, что не должно быть потревожено?

Маэстро улыбнулся, и в его улыбке была вековая мудрость.

— Тогда мы станем теми, кто потревожил. И это — наша судьба. Ты не боишься провала, Элио. Ты боишься того, что окажется правдой.

Он обернулся к остальным старейшинам.

— Эксперименты продолжаются. Элио будет готовить следующий сеанс через три дня.

Элио вышел из Зала Гармонии с чувством, что его предали.

Не потому, что старейшины не поняли его. Они поняли. Они просто не разделяли его страха.

Он шёл по коридору, украшенному фресками, изображающими историю общины. Его шаги эхом отдавались от каменных стен. Он чувствовал себя как человек, который стоит на краю обрыва и кричит всем, что обрыв существует, а они смотрят на него и говорят: *«Да, мы знаем. И мы хотим посмотреть, что на дне»*.

Но он не мог просто ждать.

Его телефон завибрировал в кармане — он получил уведомление о новом сообщении. Это был его старый коллега

из Цюриха, с которым они вместе учились в университете.

Элио открыл сообщение:

«Элио, ты спрашивал о проектах, связанных с временем. У меня есть информация. Очень странная. В Швейцарии есть подземный комплекс. Называется «Цербер». Говорят, они используют квантовые вычисления для моделирования временных ветвей. Я не знаю деталей, но это звучит как раз то, что ты ищешь. Будь осторожен».

Элио замер.

Он не ожидал этого. Он думал, что Даманхур — уникален. Что они — единственные, кто коснулся этих нитей. Но если Швейцария тоже работает над этим...

Он набрал ответ:

«Спасибо. Мне нужно больше. Есть ли у них конкретные имена? Или название проекта?»

Через несколько минут пришёл ответ:

«Проект «Хронос». Подчиняется напрямую правительству. Оператор — женщина, имя Надя Вольф. Она известна как лучший специалист по визуализации данных. Говорят, она видит время в цветах».

Элио закрыл телефон и прислонился к стене.

Надя Вольф.

Имя звучало как приглашение — и как предупреждение.

Он понял, что не может оставаться в Даманхуре. Если старейшины не хотят слушать, он должен действовать сам. Он должен найти эту женщину, предупредить её, объединиться

с ней — или, если понадобится, остановить её.

Но сначала...

Он направился в архив.

Архив Даманхура находился на самом нижнем уровне общины — в помещении, которое когда-то было естественной пещерой. Теперь оно было освещено мягким светом, а вдоль стен стояли стеллажи с тысячами книг, свитков и папок.

Элио редко сюда заходил. Он был человеком науки, а не истории. Но сейчас ему нужно было найти подтверждение тому, что он увидел.

Он прошёл в секцию «Сакральные тексты» и начал искать. Старые книги пахли пылью и временем. Он перебирал их — фолианты на латыни, итальянском, древнегреческом, даже на каком-то языке, который он не мог идентифицировать.

И вдруг его взгляд упал на маленькую, почти незаметную папку в углу полки. На ней было написано от руки:

«Хранители Времени — свидетельства основателей».

Он открыл её.

Внутри лежали пожелтевшие листы, исписанные мелким, почти каллиграфическим почерком. Текст был на итальянском, но старом — таком старом, что некоторые слова Элио с трудом понимал. Это был дневник одного из основателей Даманхура, написанный в середине 1970-х, когда община только создавалась.

Элио начал читать:

«Мы — не первые, кто ищет Время. До нас были другие

— египтяне, шумеры, шаманы Сибири. Все они знали о Двенадцати. Я видел их во сне, когда мне было двадцать. Они пришли ко мне как тени, но я запомнил их имена...»

Дальше шёл список.

Элио прочитал и почувствовал, как холод пробежал по его спине.

Имена были теми же, что он слышал в видении:

Мнемос. Проноя. Каир. Архон. Синектика. Анор. Терминус. Люцина. Ордо. Стелла. Экстатис. Ферокс.

Двенадцать.

Он перевернул страницу и увидел рисунок — грубый, почти детский, но узнаваемый.

Тот же узор, который он видел в своём видении. Тот же, который он нарисовал этой ночью, сам не осознавая, что делает.

Под рисунком была приписка:

«Они не боги. Они — стражи. Но они ждут, когда мы будем готовы стать ими. Или, когда мы ломаем Скрижаль и исчезнем навсегда».

«Они были в Египте как стражи Дуата — двенадцать врат, через которые душа проходит, чтобы встретить вечность. Жрецы знали их как богов часов ночи, и каждый час был шагом к возрождению.

Они были в Греции как пряжи судьбы — три Мойры, которые ткут нить жизни, но также и как двенадцать олимпийцев, которые правят не только миром, но и временем. Фило-

софы знали их как Хроноса, который неумолим, и Кайроса, который приходит только к тем, кто умеет ждать.

Они были в Индии как танцоры космического цикла — двенадцать Адитьев, которые поддерживают порядок Рита. Мудрецы знали их как проявления Шивы, который танцует танец Тандаву, и в этом танце миры создаются и разрушаются.

Они были у Майя как боги-носильщики времени — двенадцать бактунов, которые несут ношу эпох. Жрецы знали их как стражей календаря, который был точнее любого другого, и знали, что в конце бактуна мир не умирает — он перерождается.

Они были в Китае как Нефритовые Императоры Эпох — двенадцать земных ветвей и двенадцать небесных стволов, которые создают основу календаря. Астрономы знали их как танец космических сил, и говорили: «Дао — это путь, по которому идёт время».

Они были в Скандинавии как Норны у корней Иггдрасиля — три, которые поливают древо времени, но также и как двенадцать асов, которые сидят в совете и вершат судьбы миров.

Они были в Сибири как двенадцать оленей, которые бегут по небесной тропе. Шаманы знали их как проводников между мирами, и говорили: «Тот, кто слышит их шаги, может идти рядом с ними».

Они были везде. Их знали все, кто слушал тишину. Их имена менялись, но суть оставалась одной: они — стражи

времени. Они — узлы, которые удерживают ткань реальности от распада.

И они ждали. Тысячи лет они ждали, когда человечество будет готово вспомнить их.»

Элио закрыл папку и выдохнул.

Он стоял в тишине архива, и древние имена пульсировали в его голове, как второе сердце.

— Они были везде, — прошептал он. — Мы не первые. Мы просто забыли.

Он убрал папку в сумку и вышел из архива.

Когда он оказался в коридоре, освещённом тёплыми керамическими лампами, он прислонился к стене и выдохнул.

В его голове звучали не только имена Двенадцати, но и голоса всех культур, которые когда-либо знали их.

Египет. Греция. Индия. Майя. Китай. Скандинавия. Сибирь.

Все они говорили на одном языке.

«Ты — голос времени, — шептали они. — Ты — тот, кто должен вспомнить нас.»

Элио сжал в руке свою спираль и прошептал:

— Я помню. Я помню вас.

— Я иду.

Когда он вышел из архива, в коридоре его ждал Маэстро Спирали.

Он стоял неподвижно, как статуя, и смотрел на Элио с лёгкой улыбкой.

— Ты нашёл то, что искал? — спросил он.

Элио промолчал, но его взгляд выдал всё.

— Я знал, что ты придёшь сюда, — сказал Маэстро. — Я сам оставил эту папку на видном месте. Ещё много лет назад, когда я понял, что ты — тот, кто сможет увидеть то, что не видят другие.

— Зачем вы это сделали? — спросил Элио, голос его звучал напряжённо.

— Потому что я тоже когда-то видел их, — ответил Маэстро, и в его глазах блеснула странная искра. — Я видел их, когда был молодым. Но я не был готов идти дальше. Я испугался и остался здесь, в безопасности. А ты — ты не боишься. Ты боишься только того, что можешь навредить другим. Это — единственная форма страха, которая делает человека достойным.

Маэстро шагнул вперёд и положил руку на плечо Элио.

— Ты думаешь, что я пытаюсь остановить тебя? Нет. Я пытаюсь сказать тебе: если ты хочешь идти, иди. Но помни — Время не прощает. Оно просто наблюдает.

Он развернулся и ушёл, оставив Элио одного в коридоре.

Элио вернулся в свою комнату, собрал вещи и нашёл на карте маршрут до Швейцарии.

Он не знал, что скажет этой женщине, Наде Вольф. Он не знал, поверит ли она ему. Но он знал, что должен попытаться.

Перед выходом он остановился, взял в руки амулет — ма-

ленькую спираль, которую когда-то сделал своими руками, — и прошептал:

«Мнемос, если ты слышишь меня... дай мне знак, что я делаю правильно».

На мгновение ему показалось, что спираль нагрелась у него в руке, но, возможно, это было лишь воображение.

Он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Впереди была Швейцария.

Впереди была неизвестность.

Впереди было то, что должно было произойти.

Где-то за пределами времени.

Мнемос стоял у края узора, и его пальцы касались нити, которая принадлежала Элио.

— Он ищет нас, — сказал он. — Не как учёный, а как тот, кто хочет понять.

— Он нашёл список, — сказала Проноя, её голос был ровным. — Он знает, что мы были в Египте, в Греции, в Индии.

— И что он сделает с этим знанием? — спросил Архон.

— Он пойдёт дальше, — сказал Мнемос. — Он не сможет остановиться. Это — его природа.

— Как у тебя, — тихо сказал Экстатис. — Он — твой отголосок.

— Да, — сказал Мнемос. — Он — мой отголосок. И он должен найти свой путь, как я нашёл свой

Глава 4: код из машины

Швейцария. Кантон Во. Подземный комплекс «Цербер».

Два дня спустя.

Надя Вольф стояла перед терминалом, который выглядел как обычный монитор, но на самом деле был интерфейсом к «Мерлину» — квантовому монстру, занимавшему три этажа под землёй. Его охлаждающие системы гудели так низко, что вибрация ощущалась в костях. В воздухе пахло озоном и перегретым металлом — запахом знания, добытого ценой нечеловеческих усилий.

Надя работала уже восемнадцать часов подряд.

Она ввела в поисковую систему ключевые слова, которые нашла в том странном сообщении от «Мерлина»: *спираль, металл, Даманхур, Самоика*.

Результат превзошёл все ожидания.

На экране появились изображения — десятки фотографий, сделанных со спутников и через системы наблюдения. На них были запечатлены странные конструкции: медные и серебряные спирали, встроенные в архитектуру какого-то подземного комплекса в Италии. Рядом с ними были схемы, напоминающие электрические цепи, но с элементами, которые не имели аналогов в современной физике. Какие-то узлы были размечены символами — кругами, точками, пересекающимися линиями, которые Надя никогда не видела.

Или видела?

Она приблизила одно изображение. Символ в центре спирали — пересечение трёх линий, образующих шестиконечную звезду с точкой в середине — вызвал у неё странное

чувство. Где-то в глубине памяти, куда она не имела сознательного доступа, этот символ уже существовал.

Она проверила базы данных «Мерлина» на совпадения.

Через три секунды результат был готов. 87% совпадения с символами, найденными на древних артефактах из погребений на Алтае — горной системы на юге Сибири, где до сих пор жили шаманы, хранящие традиции старше египетских пирамид.

Надя замерла.

Она кликнула на файл, который «Мерлин» выдал как первичный источник совпадений. Это был отчёт археологической экспедиции, датированный 1998 годом. В нём говорилось о находке — маленьком диске из оленьего рога с гравировкой, изображавшей ту же спираль и те же символы. Рядом с диском было захоронение женщины, которую археологи называли «Хранительницей Знака».

— Это невозможно, — прошептала Надя. — Как спираль из Италии может быть связана с артефактом с Алтая?

Она углубилась в данные. «Мерлин» не просто показал совпадения — он начал строить временные ветви, связывающие эти два явления. В одной из ветвей, которую компьютер обозначил как «вероятность 84%», эти символы указывали на человека.

Не на место. Не на организацию. На конкретного человека.

Женщина. Возраст 23 года. Гражданство — Россия, Рес-

публика Алтай. Имя — Тара Чейнеш.

Надя открыла её фотографию — снятую камерой дорожного наблюдения в аэропорту Новосибирска, когда девушка проходила паспортный контроль неделю назад. Короткие тёмные волосы, высокие скулы, глаза, которые смотрели в камеру с настороженностью и какой-то печалью. На шее у неё висела маленькая спираль, вырезанная из дерева.

Точно такая же, как те, что использовали в Даманхуре.

Надя почувствовала, как её пульс участился. В ушах зашумела кровь.

И в этот момент — как будто сигнал изнутри — сработало видение.

Она не уснула. Она не потеряла сознание. Она просто... сместилась.

Всё вокруг исчезло. Бетонные стены «Цербера» растворились в белом свете. Она стояла в бесконечном пространстве, где не было ни земли, ни неба, только переплетающиеся линии, уходящие в бесконечность. И среди этих линий — фигура.

Женщина. Та же, что была на фотографии. Тара.

Она смотрела на Надю с пониманием, как будто всегда знала, что они встретятся.

— *Ты меня найдёшь*, — сказала Тара, и голос её не был голосом — он был вибрацией в воздухе, в свете, в самом пространстве. — *Мы должны встретиться. Втроём. Ты, я и тот, кто уже идёт к нам. Ты чувствуешь это, да?*

Надя хотела спросить — кто, зачем, где? Но слова не шли. Она могла только смотреть.

— *Будь готова,* — сказала Тара. — *Они наблюдают. И они знают, что мы начали двигаться.*

Видение исчезло так же внезапно, как пришло.

Надя снова сидела перед терминалом, сжимая в руке мышь, которая нагрелась от её ладони. Экран был всё тем же — фотографии спиралей, древних артефактов и лицо Тары. Её сердце колотилось так сильно, что она слышала его в ушах.

— *Что со мной происходит?* — прошептала она.

Но ответа не было.

Она решила углубиться в расследование.

Надя открыла закрытые файлы проекта «Хронос» — те, что были помечены грифом «Красный — исполнительная власть» и требовали специального кода доступа. Технически у неё не было прав на их просмотр. Технически она нарушала протокол на каждом шагу.

Но Надя не была просто агентом. Она была той, кто чувствовала Время. И её интуиция говорила ей: если она не сделает это сейчас, то возможность будет потеряна навсегда.

Она обошла защиту. Это было несложно — она знала систему изнутри, она сама участвовала в её проектировании. Через три минуты она оказалась в той части «Мерлина», где хранились данные о временных аномалиях, которые не вписывались в модели.

Там был один файл, который привлёк её внимание. Название: *«Ветвь 347-Ф. Аномалия. Связь с субъектами Даманхур и Археологическая Алтай»*.

Она открыла его.

Внутри были расчёты, которые показывали, что ветвь 347-Ф — та самая, которую они наблюдали несколько дней назад — была не просто сбоем. Она была «приглашением». Сигналом, который указывал на приближение трёх ключевых фигур. Трёх людей, которые, по расчётам «Мерлина», должны были встретиться и создать «точку сингулярности» во времени.

Один из них — женщина с Алтая. Тара.

Второй — оператор в Швейцарии. Сама Надя.

Третий — учёный в Италии. Мужчина по имени Элио Риччи.

Надя прочитала это имя и почувствовала, как холод пробежал по её коже. Она не знала его, но «Мерлин» связал их судьбы. Словно кто-то заранее написал эту историю, а они просто выполняли написанное.

Она снова посмотрела на фотографию Тары.

— Ты права, — сказала она, обращаясь к пустоте экрана.

— Мы должны встретиться.

Она набрала номер Саши, её напарника.

— Саша, — сказала она, — мне нужно, чтобы ты помог мне с одной вещью. Не задавай вопросов.

— Надя, у нас протокол...

— Протокол больше не действует, — перебила она. —
Время, Саша. Мне нужно выяснить, где сейчас находится де-
вушка с Алтая.

Саша помолчал несколько секунд, а потом тихо ответил:

— Хорошо. Я посмотрю, что могу сделать. Но будь осто-
рожна. Кто-то из наших не хочет, чтобы ты копалась в этом
деле.

— Кто?

— Не знаю. Но я заметил, что твои запросы отслежива-
ются кем-то с уровнем доступа «Белый» — это выше даже
директора проекта. Будь аккуратна.

Надя закрыла глаза.

— Хорошо. Сделай, что можешь. Я сама решу, как быть
далее.

Она работала до самого утра.

К 7 утра у неё была готова база данных на Элио Риччи и
Тару Чейнеш. Она знала, что Элио — нейрофизиолог, рабо-
тает в Даманхуре, что его исследования связаны с создани-
ем металлических конструкций для взаимодействия с «энер-
гетическими полями». Она знала, что Тара — шаманка-на-
следница, что она покинула Алтай неделю назад и, по дан-
ным авиаперелётов, сейчас находилась в Цюрихе, на пере-
садке. Она вылетала в Италию.

Надя поняла: они движутся навстречу друг другу. Элио —
из Италии в Швейцарию. Тара — из Швейцарии в Италию.
Они должны были пересечься где-то по пути.

Она решила действовать.

Она выключила терминал, собрала вещи и написала короткое сообщение Саше: *«Я уезжаю. Не пытайся меня найти. Если я не вернусь через три дня, удали все мои файлы и скажи, что я была в отпуске»*.

Она вышла из кабинета и направилась к выходу из подземного комплекса.

По пути она прошла мимо кабинета своего начальника. Дверь была открыта, и она случайно увидела, что он говорит по телефону, низко наклонив голову, чтобы его не услышали.

— Да, — сказал он. — Она начала копать. Мы не можем позволить ей продолжить. Она слишком близко к истине.

Надя замерла.

Она не слышала, что он сказал дальше, потому что в этот момент сработала сигнализация системы контроля доступа — кто-то пытался заблокировать её ключ-карту.

Их опередили.

Надя побежала. Двери автоматически закрывались одна за другой, но она успевала проскочить. Она знала этот лабиринт как свои пять пальцев. Через три минуты она была на поверхности — в холодном утреннем воздухе, под серым швейцарским небом.

Она села в свою машину, завела двигатель и выехала на трассу.

У неё было три вещи в голове: фотография Тары, имя

Элио Риччи и слово, которое она услышала в видении.

«Будь готова».

Она была готова.

И она направлялась в Италию.

В то время как Надя искала следы в данных, а Тара направлялась в Европу, древние голоса времени перекликались в разных концах мира.

В Индии мудрецы говорили о Кала — времени, которое поглощает и рождает всё сущее. «Кала — это Шива, — учили они. — Он танцует танец Тандаву, и в этом танце миры создаются и разрушаются. Человек не может управлять Кала. Он может лишь танцевать вместе с ним».

В Греции философы спорили о Хроносе и Кайросе. «Хронос — это тиканье часов, — говорили они. — Это неизбежность. Но Кайрос — это момент. Это «сейчас», в котором всё возможно. Мудрый человек не боится Хроноса. Он ждёт Кайроса».

Тара, сидя в самолёте, летящем над Уралом, чувствовала оба этих голоса. Её бабушка учила её, что время не течёт — оно дышит. И сейчас оно дышало быстрее, чем обычно.

Она сжала свою деревянную спираль и прошептала:

«Я слышу тебя, Алтай. Я слышу тебя, Кала. Я слышу тебя, Хронос. Я иду».

Где-то за пределами времени.

Проня стояла перед нитью, которая принадлежала Наде. Она видела её не как оператора, а как проводника.

— Она видит нас, — сказала Проня. — Она не знает, что мы — не тени. Но она видит.

— Ты боишься, что она испугается? — спросил Каир.

— Нет, — ответила Проня. — Я боюсь, что она поймёт слишком быстро. И это сломает её.

— Сломает? — переспросил Архон.

— Знание без мудрости — это оружие, — сказала Проня.
— Я боюсь, что она возьмёт его до того, как научится им пользоваться

Глава 5: гостя с Алтая

Швейцария. Цюрих. Главный железнодорожный вокзал.
Утро.

Тара Чейнеш стояла посреди гигантского вокзала и чувствовала себя потерянной.

Она никогда не была в Европе. Она вообще редко покидала свою деревню у подножия Белухи. Самолёт, который привёз её из Новосибирска через Москву в Цюрих, был для неё чем-то средним между чудом и испытанием — металлическая птица, за окнами которой плыли облака, похожие на оленей. Её бабушка никогда не летала на самолётах. Бабушка говорила, что духи гор не любят, когда человек поднимается выше их голов.

Но бабушка умерла два года назад. И теперь Тара должна была сама решать, что любят духи, а что — нет.

Она сжимала в руке деревянную спираль — амулет, который носила с детства. Он был нагретым от её ладони, глад-

ким, тёплым. Она смотрела на огромное табло с расписанием, где буквы прыгали на немецком и французском, которые она почти не понимала, и чувствовала, как мир сжимается вокруг неё.

Единственное, что она знала точно: ей нужно было попасть в Италию. Там, в Италии, был кто-то, кто касался Времени неправильно. Кто-то, кто должен был присоединиться к ней.

— Excuse me, — сказала она робко проходившей мимо женщине в деловом костюме. — Do you speak English?

Женщина взглянула на неё — на её простую одежду, на её не городские черты лица, на деревянную спираль на шее — и нахмурилась.

— Yes. Little.

— Я ищу путь в Италию, — произнесла Тара медленно, подбирая слова. — Как добраться?

Женщина указала на табло и сказала что-то про поезда. Тара не поняла половины. Но она кивнула и улыбнулась, а когда женщина ушла, Тара села на скамью и закрыла глаза.

Она чувствовала себя глупо.

Что она здесь делает? Зачем она прилетела в эту холодную, чужую страну, где люди не смотрели в глаза, а если смотрели, то с подозрением? Вокруг было столько стекла и бетона, что Тара чувствовала, как у неё начинает болеть голова. В Алтае всё было живым — горы, реки, даже ветер имел душу. Здесь же казалось, что всё сделано из мёртвых

материалов, без запаха, без памяти.

Она открыла глаза и увидела, что с другой стороны зала на нее кто-то смотрит в упор.

Женщина. Высокая, с короткими светлыми волосами, в тёмной кожаной куртке. Она стояла неподвижно, как статуя, и смотрела на Тару с выражением, которое Тара не могла прочесть. Не враждебность. Не страх. Скорее — распознавание.

Тара замерла.

Женщина начала приближаться. Её шаги были уверенными, быстрыми. Вокруг неё вокзальная суeta казалась размытой — как будто она была отдельным миром, который двигался сквозь этот мир, не замечая его.

Она остановилась прямо перед Тарой.

— Ты Тара? — спросила она на английском, но с акцентом, который выдавал немца или швейцарца. — Ты Чейнеш?

Тара не знала, что ответить. Она не ждала, что кто-то найдёт её здесь. Она была осторожна — бабушка говорила, что в большом мире есть те, кто хочет использовать знание, а не понять его.

— Кто ты? — спросила Тара на русском. Она не знала, на каком языке говорить, но внутри неё что-то подсказывало, что эта женщина поймёт.

Женщина на мгновение замешкалась. Она, видимо, не знала русского. Но она полезла в карман куртки и достала свой телефон — на экране была фотография, которую Та-

ра узнала. Это была она сама, снятая камерой наблюдения в аэропорту Новосибирска.

— Я тебя искала, — сказала женщина, переходя на медленный, осторожный английский. — Не бойся. Мы должны поговорить.

Тара посмотрела в её глаза. Технология вокруг этой женщины была чужой — телефон, куртка, часы на запястье, которые мигали цифрами. Всё в ней было странным для Тары, кроме... взгляда. Потому что в глубине этих глаз она увидела нечто знакомое.

Она коснулась руки женщины.

Это был момент. Тара закрыла глаза и почувствовала вибрацию — ту самую, которую она чувствовала в горах, когда бабушка учила её слушать время. Но здесь эта вибрация была другой. Она была... технологичной. Сложной. Как сплетение множества нитей, которые создавали сеть возможностей.

— Ты носишь частоту Пронои, — сказала Тара, открывая глаза. Она перешла на медленный английский, чтобы женщина поняла. — Как я — частоту Мнемоса. Ты не знаешь этого, но ты — одна из нас. Мы не должны быть врагами.

Женщина — Надя — отшатнулась.

— Что ты сказала? — спросила она, и в её голосе впервые появился не уверенный контроль, а искреннее удивление. — Откуда ты знаешь это имя?

— Оттуда же, откуда ты знаешь моё, — ответила Тара. — Видения. Сны. Кости. Для меня это всё — язык. Для тебя

это — данные. Но это одно и то же.

Надя прищурилась. Она смотрела на Тару, как на загадку, которую нужно разгадать, но которая сопротивлялась любым логическим объяснениям. Она провела рукой по волосам, выдохнула и сказала:

— Мне нужно сказать тебе одну вещь, Тара. Я работаю на правительственный проект. Мы занимаемся моделированием времени. И несколько дней назад у нас случился сбой — ветвь времени указала на тебя. На тебя и на человека в Италии. Я думала, что это просто данные.

— А теперь?

Надя помолчала, глядя в глаза Таре.

— Теперь я думаю, что это было предупреждение. Или приглашение.

Они сидели в маленьком кафе на окраине вокзала.

Тара пила горячий чай, который Надя заказала для неё, и чувствовала, как тепло разливается по телу. За окном — стеклянные здания, которые отражали серое небо. Снаружи мир казался искусственным, но здесь, за чашкой чая, между ними начинал рождаться какой-то странный контакт.

— Ты сказала - «Проноя», — начала Надя, понижая голос.
— Ты знаешь это имя. Как?

— Я знаю все двенадцать, — ответила Тара просто. — Это не моё знание. Это знание моего рода. Бабушка говорила, что тысячи лет назад наши предки знали их как оленей, которые ведут душу по небесной тропе. Потом пришли другие

верования, и знание ушло в тень. Но оно всегда было здесь, — она коснулась своей груди, — и здесь, — она коснулась виска.

— Я тоже их видела, — тихо сказала Надя. — Во время работы, когда я смотрю на ветви «Мерлина». Я вижу тени. Двенадцать теней. Одна из них, кажется, назвала себя Проней. Я думала, что это галлюцинация от перегрузки данных.

— Это не галлюцинация, — ответила Тара. — Проноя — та, кто видит все возможные варианты будущего. Она говорит через тебя, когда ты работаешь. Ты её проводник, даже если не знаешь этого.

Надя откинулась на спинку стула и долго смотрела в окно. Тара видела, как в её глазах борется скептицизм и что-то более глубокое — вера в то, что её рассудок пытался отрицать, но душа принимала.

— Хорошо, — наконец сказала Надя. — Допустим, я тебе верю. Что дальше?

— Мы должны найти третьего, — сказала Тара. — Он в Италии. Я чувствую его. Он не знает, кто он, но он уже начал свой путь. Мы должны встретиться с ним. Там, где он работает.

— Там, где они делают эти спирали, — сказала Надя. — Даманхур. Я знаю об этом.

Тара кивнула.

— Тогда мы поедем вместе.

Надя снова посмотрела на Тару — на её глубокие глаза,

на маленькую спираль на шее, на её спокойную уверенность. Она могла бы сказать, что это безумно. Что она нарушает все протоколы. Что она рискует своей работой, своей жизнью.

Но она чувствовала, что это правильно. Как будто какая-то нить времени вела её вперёд, а она лишь следовала за ней.

— Хорошо, — сказала Надя. — Мы поедем вместе.

Тара улыбнулась. Это была первая улыбка с тех пор, как она покинула Алтай.

Они вышли из кафе и направились к выходу, где машина Нади ждала их, готовая увезти в неизвестность. Надя на секунду задержалась, посмотрела на Тару и сказала:

— Я не знаю, во что я верю. Но я знаю, что верю тебе.

Тара кивнула.

— Мнемос и Проноя когда-то были близки, — сказала она. — Может быть, это просто возвращение старого союза.

Они сели в машину и тронулись в путь.

А впереди была Италия.

А впереди был третий.

Шепот между ветвями

Между мгновениями. Между ударами сердца. Между тем, что было, и тем, что будет.

Они снова собрались.

Не по зову. Не по правилу. А потому, что Скрижаль дрогнула — едва заметно, как струна, которую коснулись пальцем. Двое смертных встретились. Две частоты соприкосну-

лись.

Мнемос стоял у края узора, вглядываясь в ту точку, где две линии теперь переплетались в одну. Они были разными — одна тёплая, как дыхание земли, вторая холодная, как электронный импульс. Но они звучали в унисон.

— *Она пришла к ней,* — сказал Мнемос, и в голосе его звучала тихая гордость. — *Она нашла её. Как я знал, что она найдёт.*

Проноя шагнула к нему. Её сияние было тревожным — в нём мелькали тени, которые она не могла прочесть.

— *Ты рад,* — сказала она. — *Но я вижу ветвь, которая пугает меня. Их объединение создаёт эхо. Оно уже добралось до Италии, до третьего. Он почувствовал их приближение.*

— Это хорошо, — ответил Каир, появляясь рядом. Его форма вспыхнула ярче обычного — он был в своей стихии, в моменте. — *Три частоты должны встретиться. Так было задумано.*

— *Задумано?* — вмешался Архон. Его голос был твёрдым, как гранит. — *Или просто позволено? Ключник не давал нам инструкций. Мы сами решаем, как охранять Скрижаль.*

Терминус заговорил из своей тьмы, и все замолчали.

— *Ключник сказал: «Когда они будут готовы, вы станете их частью». Он не сказал «если». Он сказал «когда». Значит, это уже свершилось. Вопрос лишь в том, как быстро*

они поймут это.

— *Они идут в Италию,* — сказала Синектика, её голос звучал как ритм прибоя. — *К третьему. К тому, кто носит мою частоту, сам того не зная.*

Экстатис засмеялся — светлым, переливчатым смехом, как звон колокольчиков.

— *Это же прекрасно! Они собираются вместе, как ноты в аккорде. Скрижаль будет звучать по-новому!*

— *Или треснет,* — мрачно сказал Ферокс. — *Не забывай об этом, певец. Три неподготовленных смертных, соединившихся в одной точке, могут создать разрыв, который мы не сможем залатать.*

— *Тогда мы залатаем,* — сказала Люцина, её свет стал тёплым, успокаивающим. — *Мы — стражи. Это наша роль. Не бояться, а охранять.*

Мнемос повернулся к остальным.

— *Я пойду с ними,* — сказал он. — *Не вмешиваясь. Но наблюдая. Они должны чувствовать, что не одни.*

Проноя кивнула.

— *Я тоже буду рядом. Через неё, через проводницу.*

Они замолчали. В центре Скрижали, на переплетении линий, три точки медленно сближались. Одна — в Швейцарии, уже в пути. Вторая — рядом с ней. Третья — в Италии, в подземелье, где металл начинал дышать.

Скрижаль дрожала.

Но это была не дрожь страха. Это была дрожь ожидания.

Тишина становилась тоньше.

Где-то за пределами времени.

Мнемос смотрел на нить, которая принадлежала Таре. Она была тёплой, как дыхание земли.

— Она — моя, — сказал он. — Она несёт в себе память Алтая. Она несёт в себе мою частоту.

— Ты узнаёшь её? — спросила Синектика.

— Я узнаю всех, — ответил Мнемос. — Но я помню её. Я помню, когда она была нитью в узоре. Теперь она — узел.

— Что она сделает? — спросил Архон.

— Она сделает то, что должна, — сказал Мнемос. — Она будет слушать.

Глава 6: трещина

Италия. Северные склоны Альп. Федерация Даманхур. Вечер.

Машина Нади остановилась у каменной стены, которая выглядела как часть скалы, но на самом деле была воротами. Без приглашения сюда не попасть.

Тара смотрела на эти ворота и чувствовала вибрацию — такую же, как та, что она чувствовала в горах, но искажённую. Как будто здесь время текло чуть медленнее, чем снаружи.

— Мы не можем просто войти, — сказала Надя, оглядывая систему камер наблюдения. — У них высокий уровень защиты. Это как крепость.

— Нам не нужно входить, — сказала Тара, закрывая глаза.

— Он уже знает. Он идёт к нам.

Внутри Даманхура, в лаборатории, Элио остановился.

Он чувствовал это — холодок, пробежавший по позвоночнику, странное давление в груди. Кто-то был у ворот. Не один. Двое.

Он подошёл к окну и увидел их — светловолосую женщину в кожаной куртке и темноволосую девушку, стоящих неподвижно у входа, словно ждали не приглашения, а подтверждения того, что они уже были ожидаемы.

Элио сжал амулет на шее — ту самую спираль, которую он сделал когда-то давно, в самом начале своих исследований.

Он знал, что должен выйти к ним.

Он не спросил разрешения у старейшин. Он не предупредил коллег. Он просто спустился по лестнице, прошёл через подземные коридоры и оказался у внешних ворот.

Он открыл их сам.

Надя и Тара стояли перед ним.

Он посмотрел на Тару — и сразу увидел её амулет. Такую же спираль, но из дерева, вырезанную вручную, хранившую тепло многих поколений.

— Это ты, — сказал он по-английски, глядя на Тару. — Ты та, кого я видел.

Тара кивнула.

— А ты — тот, кто коснулся спирали. Я чувствую это в тебе, Элио. Ты носишь частоту Мнемоса, как я.

Элио перевёл взгляд на Надю.

— А ты — Надя Вольф. Из Швейцарии. Проект «Хронос».

Надя удивлённо приподняла бровь.

— Откуда ты знаешь?

— Я искал тебя, — ответил Элио. — Я хотел предупредить тебя. Мы все играем с огнём.

В этот момент мир качнулся.

Это не было землетрясением. Не было звука. Просто пространство вокруг них стало... другим.

На мгновение — одну секунду — они стояли не у ворот Даманхура. Они стояли в другом месте.

Тара увидела себя идущей по заснеженным горам, но не одна — рядом с ней шёл волк, у которого были глаза человека.

Надя увидела себя сидящей перед тысячами мониторов, но вместо данных там были звёзды, которые складывались в узор.

Элио увидел себя в подземном зале, но его руки были покрыты не просто старой медью — на них были древние письмены, которые он никогда не знал.

Видение схлопнулось.

Они стояли на том же месте — у ворот Даманхура, в вечном свете. Но все трое тяжело дышали, как после бега.

— Что это было? — спросила Надя, прижимая руку к груди.

— Сбой, — сказал Элио. — Мы видели других себя. Из

других ветвей.

— Нет, — сказала Тара тихо. — Это не сбой. Это подтверждение. Мы — одно целое. Когда мы встретились, Время нас узнало.

Они смотрели друг на друга, и между ними больше не было отчужденности. Только странное, почти семейное, чувство — что они всегда были частью одной истории.

Элио развернулся.

— Идите за мной, — сказал он. — Я должен вам кое-что показать.

Они прошли через подземные коридоры, мимо стражей, которые смотрели на них с подозрением, но не останавливали — потому что Элио вёл их.

Он привёл их в зал «Металла».

Там, в центре, висела та самая спираль, которую создал Элио. Но теперь она изменилась.

Трещина, которую Элио заметил после эксперимента, стала больше. Она шла через всю конструкцию, не просто по поверхности — по всей структуре. И спираль больше не была просто металлом. Она... дышала.

Медленно, едва заметно, её кольца расширялись и сжимались, как грудная клетка живого существа.

Надя отступила на шаг.

— Это невозможно.

— Я знаю, — сказал Элио. — Но это реально.

Тара шагнула вперёд, ближе к спирали. Она протянула ру-

ку, но не коснулась — просто задержала ладонь на расстоянии нескольких сантиметров от металла.

— Она живая, — сказала она. — Она была живой всегда. Просто вы не умели слышать.

Она обернулась к ним.

— Когда я встретила Надю, я почувствовала, как что-то изменилось. Когда мы встретили тебя, Элио, спираль откликнулась. Мы — три частоты, которые настраивают её.

Элио подошёл ближе.

— Что это значит? — спросил он.

Тара медленно опустила руку.

— Это значит, что мы уже начали менять Время. И это только начало.

Они стояли втроём перед дышащей спиралью, и в воздухе вибрировало что-то новое, огромное, неизбежное.

Скрижаль дрожала.

А где-то за пределами времени, в Тишине, Двенадцать смотрели на них и ждали

Майя- первый союз

Когда трое героев впервые встретились у ворот Даманхура и спираль начала дышать, где-то в глубине Скрижали, Двенадцать смотрели на них с волнением, которого не чувствовали тысячи лет.

Мнемос, хранитель памяти, видел в них нечто знакомое.

«Они напоминают мне Майя, — сказал он. — Первых, кто попытался синхронизироваться. Они тоже создали ка-

лендарь, который измерял время в эпохах. Они тоже строили храмы и смотрели на звёзды. Они были первыми, кто подошёл к порогу».

«И что с ними случилось?» — спросил Каир.

«Они исчезли, — сказал Мнемос. — Не умерли. Не растворились. Они просто... перешли. Синхронизировались настолько глубоко, что их физические тела стали временем. Они стали частью Скрижали».

«Значит, эти трое могут повторить их судьбу», — сказал Архон.

«Или, — сказал Мнемос, — они могут пойти дальше. Они могут не исчезнуть, а вернуться, чтобы научить других».

Он посмотрел на светящиеся нити, где судьбы троих героев начинали сплетаться в один узел.

«Майя были нашими учениками. Эти трое — наши наследники».

Где-то за пределами времени.

Двенадцать стояли вокруг Скрижали, и Скрижаль дрожала.

— Они встретились, — сказал Каир. — Три частоты соединились.

— И что теперь? — спросил Ферокс.

— Теперь начнётся, — сказал Мнемос.

Он не сказал "они готовы". Он не сказал "они справились". Он просто стоял и смотрел, как три нити сплетаются в одну.

Глава 7: голос Ключника

За пределами Бытия. До звука. До света. До Тьмы.

Он был.

Он всегда был.

Он не имел формы, потому что форма — это ограничение. Он не имел имени, потому что имя — это ярлык для смертных. Но те, кто касался Скрижали в самые глубокие мгновения, называли его Махди.

Ключник.

Тот, кто скрепил Двенадцать в момент творения, как скрепляют струны в инструменте, чтобы они звучали в унисон. И отступил в Тишину, чтобы ждать.

Он не спал. Он не бодрствовал. Он просто — *присутствовал*. В каждой вибрации Скрижали, в каждом сдвиге нитей, в каждом дыхании бесконечности.

Но сейчас что-то изменилось.

Где-то внизу, в той части Бытия, которую смертные называли «реальностью», три точки соприкоснулись. Они были маленькими — ничтожно малыми по сравнению с бесконечностью. Но их резонанс был... *правильным*.

Как первые ноты мелодии, которую он ждал тринадцать тысяч лет.

Он почувствовал, как дрогнула Тишина.

Двенадцать уже заметили. Они стояли вокруг Скрижали и спорили, наблюдали, ждали. Но они не знали всего.

Он знал.

Он знал, что эти трое — не случайность. Они были задуманы ещё до того, как время начало свой бег. Их души были сплетены из тех самых нитей, которые он когда-то разделил на Двенадцать, чтобы создать порядок из хаоса.

— *Они пришли,* — прошептал он внутри себя. — *Они пришли, как и должно было случиться.*

Скрижаль замерцала.

Он не вмешивался. Он никогда не вмешивался. Он был Ключником, а не игроком. Он открыл дверь в самом начале — и теперь ждал, когда человечество само научится проходить через неё.

Но в этот момент он позволил себе одно слово. Просто слово, которое пронеслось по всем нитям, по всем ветвям, по всем узлам Скрижали, как ветер, который касается листьев, не ломая их.

Он произнёс его без голоса, без звука, без формы. Но Двенадцать услышали. И трое смертных почувствовали — как внезапное тепло в груди, как ответ на вопрос, который они ещё не задали.

«Начинается».

Тишина дрогнула, и снова стала неподвижной.

А Махди, Ключник, вернулся в своё состояние ожидания. Потому что теперь всё уже шло по своему пути.

Где-то за пределами времени.

Махди открыл глаза.

Не как пробуждение. Как внимание.

— Они встретились, — сказал он.

Мнемос стоял рядом с ним.

— Да, — сказал он. — Они встретились.

— Я знаю, что они будут делать, — сказал Махди. — Я знаю каждое их движение. Но я не знаю, что они выберут.

— Ты — Ключник, — сказал Мнемос. — Ты знаешь всё.

— Я знаю структуру, — сказал Махди. — Я не знаю музыку. А музыка — это выбор. А выбор — это свобода. А свобода — это то, что я им дал.

Он улыбнулся.

— И я хочу посмотреть, что они с ней сделают.

Глава 8: первая попытка

Италия. Федерация Даманхур. Зал «Металла». Ночь.

Они готовились три часа.

Элио настроил Самоику — увеличил частоту резонанса, проверил все соединения, усилил магнитное поле. Спираль висела в центре зала, дышащая, пульсирующая, как живое сердце. Трещина на её поверхности стала ещё больше — тонкая серебряная линия, которая мерцала в полумраке.

Надя установила свой портативный терминал — миниатюрную версию «Мерлина», которую она тайно вынесла из Цербера. Она подключила его к спирали через специальный интерфейс, который Элио создал за несколько часов. Теперь машина и металл говорили на одном языке — или, по крайней мере, пытались.

Тара сидела на полу в центре круга, нарисованного мелом.

Это были древние символы — те самые, что её бабушка рисовала на земле во время ритуалов. Спирали, точки, пересекающиеся линии. Они не были точной копией символов Самойки, но что-то в них было общее — как будто один и тот же язык, записанный разными почерками.

— Мы готовы? — спросил Элио.

Тара кивнула.

— Я буду держать центр. Вы двое — мои опоры. Что бы вы ни увидели, не бойтесь. Бой — это то, что закрывает двери.

Надя усмехнулась:

— Легко сказать.

— Я знаю, — ответила Тара тихо. — Но ты сильнее, чем думаешь. И ты носишь частоту Пронои. Она не даст тебе упасть.

Элио подошёл к спирали и положил руку на её основание. Металл был тёплым — почти горячим. Он чувствовал, как трещина пульсирует под его пальцами, как будто внутри металла билось сердце.

— Я запускаю резонанс, — сказал он. — Надя, начинай считывание.

— Готово, — ответила она, её пальцы бегали по клавиатуре терминала. — Я вижу структуру. Она стабильна, но... странная. Как будто она ждёт.

— Она ждёт нас, — сказала Тара. — Начинайте.

Элио повернул рычаг.

Спираль загудела.

Звук был низким, глубоким — как гул гигантского колокола, который звучал не в воздухе, а прямо в костях. Тара закрыла глаза и начала петь — тихо, на языке, которого ни Элио, ни Надя не знали. Это был горловой напев, похожий на ветер в ущельях Алтая.

Надя смотрела на экран терминала. Данные менялись слишком быстро — ветви, вероятности, линии, которые она не могла прочитать. Она чувствовала, как её голова начинает кружиться, но Тара сказала не бояться, и она держалась.

А потом пространство вокруг них исчезло.

Первое, что увидел Элио, была бесконечность.

Не пустота. Не тьма. Бесконечность — как будто они стояли внутри гигантской паутины, состоящей из света. Нити пересекались, расходились, снова сходились в узлы. Каждая нить была временем — прошлым, настоящим, будущим, всеми возможными вариантами всего, что когда-либо существовало или могло существовать.

Надя стояла рядом с ним, её глаза были широко раскрыты.

— Это... Скрижаль, — прошептала она. — Это она. Я видела её во сне, но не так... не так реально.

Тара была перед ними, её руки были подняты, как будто она касалась невидимых струн.

— Мы здесь, — сказала она. — Мы вошли в неё. Не бойтесь. Смотрите.

И тогда они увидели их.

Двенадцать фигур, стоящих по краям паутины. Они не

были теньями теперь. Они были почти реальными — огромными, светящимися, живыми. Каждый из них был уникален: один — прямой и строгий, как колонна, другой — мерцающий, как северное сияние, третий — тёмный, как бездна, четвёртый — текучий, как вода.

Они не двигались. Они просто смотрели на троих смертных, которые осмелились войти в их пространство.

Одна из фигур отделилась от других и двинулась к ним.

Он был похож на старца с лицом, которое менялось каждую секунду — то юноша, то воин, то женщина, то мудрец. Но глаза его были одними и теми же — глубокими, как всё время, которое он хранил.

— *Ты пришла,* — сказал он, обращаясь к Таре. Голос его звучал в их головах, а не в ушах. — *Я ждал тебя, дитя. Ты носишь мою частоту.*

— Мнемос, — прошептала Тара. — Я знаю тебя.

— *Да,* — ответил он. — *Ты знаешь меня. Ты всегда знала меня. Ты была со мной в начале. И ты будешь со мной в конце.*

Он повернулся к Наде.

— *А ты — проводница Пронoi. Она говорит через тебя, даже когда ты не слышишь её. Ты видишь ветви, которые другие не видят. Это — дар, но и бремя.*

Надя хотела ответить, но слова застряли у неё в горле. Она просто смотрела на Мнемоса, чувствуя, как внутри неё что-то откликается — как эхо на голос.

И наконец он посмотрел на Элио.

— Ты — учёный, который стал проводником, — сказал он. — Ты создал Самоику, не зная, что она — лишь отражение того, что уже существует. Ты близок, Элио. Но ты пытаешься управлять тем, что должно быть просто познано. Это — твоя ошибка.

— Я хочу понять, — сказал Элио, и голос его звучал твёрже, чем он чувствовал себя. — Я хочу знать, что мы делаем не так.

Мнемос улыбнулся — и в этой улыбке была древняя печаль.

— Вы не делаете ничего неправильно. Вы делаете слишком много. Вы пытаетесь схватить Время, а нужно просто дышать в такт с ним. Ваше объединение — это ключ. Но использовать его сейчас — опасно. Вы ещё не готовы.

— Когда мы будем готовы? — спросила Тара.

— Когда вы поймёте, что Время — не враг, не инструмент, не загадка. Когда вы поймёте, что вы — часть его. Тогда ключ повернётся сам.

Он шагнул ближе, и на мгновение все трое почувствовали, как мир вокруг них становится плотнее, реальнее.

— Вы должны уйти. Сейчас. Кто-то пришёл. Кто-то, кто не должен быть здесь.

Элио хотел спросить — кто? Но в этот момент Надя закричала.

Она смотрела на свой терминал — там, где должна была

быть карта ветвей, теперь была только одна строка:

"Вторжение. Уровень доступа: Белый. Попытка проникновения в лабораторию."

— Кто-то в Даманхуре, — сказала она. — Кто-то не из общины. Они идут сюда.

Мнемос поднял руку, и мир вокруг них начал мерцать.

— *Возвращайтесь,* — сказал он. — *И будьте осторожны. Вы не одни в этом поиске. Но вы — первые. Запомните это.*

И Скрижаль схлопнулась.

Они очнулись в зале «Металла».

Элио стоял на коленях, тяжело дыша. Надя сидела на полу, прижимая терминал к груди. Тара медленно поднялась, её лицо было бледным, но глаза сияли.

— Мы были там, — сказала она. — Мы действительно были там.

— И они говорили с нами, — сказал Элио, поднимаясь. — Мнемос... он говорил со мной.

— Он говорил со всеми нами, — ответила Надя. — И он сказал, что кто-то идёт.

Как будто в ответ на её слова, в коридоре послышались шаги. Тяжёлые, быстрые. Несколько человек.

Элио посмотрел на дверь и почувствовал, как его сердце забилось быстрее.

— Нам нужно уходить, — сказал он. — Сейчас.

Тара взяла его за руку.

— Мы идём вместе, — сказала она. — Мы трое. Мы не разделимся.

Надя поднялась и кивнула.

— У меня есть машина. Выход есть?

Элио указал на потайную дверь в дальней стене зала, которую старейшины использовали для эвакуации в случае пожара. Он подошёл к спирали, на мгновение задержал руку на её поверхности и прошептал:

— Мы вернёмся.

Спираль пульсировала в ответ — один раз, как удар сердца.

Они скрылись в проходе.

Шаги в коридоре становились всё ближе, но их уже не было.

Китайское небо.

Пока Элио, Надя и Тара скрывались в швейцарских горах, а преследователь приближался, в Пекине, у Храма Неба, старый астроном смотрел на звёзды.

Он не знал о Союзе Голосов. Он не знал о Двенадцати. Но он знал одно: звёзды двигались странно в последнее время. Как будто само небо дышало по-другому.

Он открыл древнюю книгу «И-Цзин» — Книгу Перемен. Её гексаграммы описывали все возможные изменения в мире. Но сейчас он видел то, чего никогда не видел раньше: между гексаграммами проступал новый узор. 65-й знак. Тот, которого не было в книге.

Он прошептал: «Когда небо меняет свой танец, значит, время меняет свой ритм. Кто-то коснулся нитей. Кто-то синхронизируется».

Он не знал, кто эти люди. Но он знал, что они приближаются.

Где-то за пределами времени.

Двенадцать стояли вокруг Скрижали, и их свет был ярче, чем когда-либо.

— Они вошли в Скрижаль, — сказал Архон.

— Они не разрушили её, — сказал Каир.

— Они коснулись её, — сказала Проня.

— Но они не готовы, — сказал Ферокс.

— Готовность — это иллюзия, — сказал Мнемос. — Ты можешь быть готовым только к тому, что знаешь. А они не знают. И это — правильно.

Он коснулся нити, которая принадлежала Таре.

— Она сделает свой выбор. И я верю, что он будет правильным.

Глава 9: шпион

Италия. Федерация Даманхур. Той же ночью.

Человек в чёрном прошёл через главные ворота так, как будто имел на это полное право.

Он не выглядел подозрительным — среднего роста, в тёмном пальто, с лицом, которое легко забыть через секунду после того, как отводишь взгляд. Но его шаги были слишком уверенными, его взгляд — слишком цепким. Он не рассмат-

ривал фрески на стенах, как делали туристы. Он изучал углы, двери, лестницы, системы вентиляции.

Он знал это место.

Он изучил планы Даманхура за месяц до визита. Знание было неполным — община хранила свои тайны тщательнее, чем большинство правительственных учреждений, — но достаточно, чтобы найти путь к главному.

К залу «Металла».

Он прошёл через длинный коридор, освещённый керамическими лампами, которые излучали тёплый, почти живой свет. Вокруг было тихо — ночь в Даманхуре была временем молитв и медитаций, а не прогулок. Это играло ему на руку.

У входа в зал он остановился.

Дверь была приоткрыта — те, кто был внутри, ушли в спешке. Он толкнул её и вошёл.

Зал «Металла» встретил его гулом. Тот самый низкий звук, который остался после эксперимента, — спираль продолжала дышать, даже когда её создатель покинул её. Человек подошёл ближе, достал из кармана небольшой прибор, похожий на смартфон, и направил его на спираль.

Прибор запищал. Он показал данные, которые не вписывались ни в одну известную физическую модель.

Человек улыбнулся.

— Так вот ты какая, — сказал он тихо, обращаясь к спирали. — Маленькая, но опасная.

Он сделал несколько снимков, записал показания прибора

и уже собирался уходить, когда услышал шаги за спиной.

Он обернулся.

На пороге стояла Элеонора — старейшина с длинными седыми волосами, хранительница архивов. Она держала в руке старую лампу, которая отбрасывала дрожащий свет на её лицо. Она смотрела на незнакомца без страха — скорее с любопытством.

— Ты не из наших, — сказала она спокойно. — Кто ты и что ты здесь ищешь?

Человек не ответил. Вместо этого он шагнул к ней — быстро, но без резкости. Он не хотел причинять ей вреда. Не сейчас.

— Я ищу тех, кто был здесь, — сказал он. — Их трое. Учёный, женщина из Швейцарии и шаманка. Они ушли. Куда?

Элеонора прищурилась.

— Я не знаю, о ком ты говоришь.

— Ты знаешь, — сказал человек, и в его голосе появилась стальная нотка. — Я не враг твоей общины. Я не хочу разрушать Даманхур. Но эти трое — они касаются того, чего не должны касаться. Они опасны, даже если сами этого не понимают.

Старейшина медленно покачала головой.

— Ты ошибаешься, — сказала она. — Они не опасны. Они — те, кого мы ждали. Это было предсказано ещё основателями.

Человек на мгновение замер. В его взгляде мелькнуло

что-то, похожее на удивление, но оно быстро исчезло.

— Основатели ошибались, — ответил он. — Или они не знали всей правды. Я здесь, чтобы исправить это.

Он сделал ещё один шаг, и Элеонора невольно отступила к стене.

— Они ушли через потайной выход, — наконец сказала она. — Ты не сможешь их догнать. Они уже далеко.

Человек посмотрел в сторону, куда она указала — на стену, за которой скрывался эвакуационный проход. Его прибор снова запищал — он зафиксировал остаточную энергию, которую оставили после себя трое беглецов.

— Я их найду, — сказал он. — Рано или поздно.

Он повернулся к двери, но на пороге остановился и оглянулся.

— Передай Маэстро Спирали: я пришёл не как враг. Но если он попытается мне помешать, я стану им. Время слишком важно, чтобы оставлять его в руках тех, кто не готов.

Он вышел.

Элеонора осталась стоять в тёмном зале, глядя на дышащую спираль. Она слышала, как человек удаляется по коридору, и чувствовала, как холод пробегает по спине.

Она не знала, кто он был. Но она знала, что он лгал, когда говорил, что не враг.

Она достала свой старый мобильный телефон, который носила только в крайних случаях, и набрала номер, который хранила в памяти много лет.

Номер Элио.

Он не ответил — он уже был в пути, вне зоны доступа. Но Элеонора оставила сообщение:

— Элио, будь осторожен. Кто-то охотится за вами. Он был здесь, в зале. Он знает о вашем эксперименте. Я не знаю, кто он, но я чувствую, что он не один. Пожалуйста, не возвращайтесь в Даманхур, пока я не скажу, что безопасно.

Она отправила сообщение и выключила телефон, глядя на спираль, которая всё ещё пульсировала в центре зала.

— Что вы натворили, — прошептала она. — Что вы натворили...

Тем временем, в горах, на полпути к границе с Швейцарией.

Машина Нади мчалась по ночной дороге. Тара сидела на заднем сиденье, сжимая свой амулет, Элио — на пассажирском месте, глядя в тёмное небо, где не было видно звёзд.

— Кто это был? — спросила Надя, не сводя глаз с дороги. — Кто проник в Даманхур?

— Я не знаю, — ответил Элио. — Но Мнемос предупредил нас. Он сказал, что кто-то придёт.

— Он не сказал, что это будет враг, — тихо произнесла Тара. — Мнемос говорил, что мы не одни. Но он не сказал, что те, другие — против нас.

Элио обернулся к ней.

— Ты думаешь, они могут быть на нашей стороне?

— Я не знаю, — ответила Тара. — Но я чувствую, что

этот человек, который нас ищет, тоже слышит что-то. Может быть, не Двенадцать. Может быть, кого-то другого. Но он не просто охотник. Он — тоже искатель.

— Тогда почему он преследует нас? — спросила Надя.

Тара помолчала, глядя в окно на тёмные силуэты гор.

— Потому что он боится, — наконец сказала она. — Боится того, что мы можем сделать. Или того, кем мы можем стать.

Машина продолжала движение в ночи. Впереди была Швейцария, позади — Италия, а над ними, где-то в невидимом измерении, Скрижаль продолжала дрожать.

А человек в чёрном пальто уже садился в свой автомобиль, чтобы продолжить охоту.

Где-то за пределами времени.

Ферокс стоял у тёмного края Скрижали.

— Он идёт, — сказал он. — Тот, кто носит тень.

— Он не враг, — сказал Мнемос.

— Он не враг, — согласился Ферокс. — Но он — зеркало.

Он покажет им то, что они не хотят видеть.

— Это полезно, — сказал Архон. — Тень — это не тьма.

Это указатель.

— Или разрушитель, — сказал Ферокс.

— Или разрушитель, — согласился Мнемос. — Но это их путь. Они должны пройти через него.

Глава 10: Совет Двенадцати. Часть вторая

Между мгновениями. Между ударами пульса Вселенной.

Скрижаль всё ещё вибрировала после того, как трое смертных коснулись её.

Двенадцать собрались быстрее, чем когда-либо прежде.

Их формы светились ярче обычного — напряжение было почти осязаемым. Даже Тишина вокруг них казалась тоньше, как будто сама реальность прислушивалась к их спору.

Архон заговорил первым. Его голос был твёрдым, как камень.

— *Они вошли в Скрижаль. Они видели нас. Мы позволили этому случиться. Это было ошибкой.*

— *Ошибкой?* — перебил его Экстатис, его форма переливалась всеми цветами несуществующего спектра. — *Это было прекрасно! Они не разрушили ничего. Они просто смотрели. Как дети, которые впервые видят звёзды.*

— *Дети могут случайно разбить стекло,* — парировал Архон. — *Или ещё хуже — они могут порезаться об осколки.*

Ферокс шагнул вперёд. Его форма была острой, как лезвие.

— *Архон прав. Мы должны были остановить их. Теперь они знают о нас. Они знают о Скрижали. И они не остановятся.*

— *А должны ли мы их останавливать?* — спросила Люцина. Её свет был мягким, почти нежным. — *Это не было случайностью, что они вошли. Мнемос сам пригласил их. Он говорил с ними.*

Все взгляды обратились к Мнемосу.

Он стоял в стороне, его форма была спокойной — но в глубине её мерцала тревога, которую никто, кроме Пронoi, не мог заметить.

— *Я говорил с ними,* — подтвердил он. — *Потому что они должны были услышать предупреждение. Они — не враги. Они — проводники. Три частоты, которые должны встретиться, чтобы открыть дверь.*

— *Открыть дверь?* — вмешалась Синектика, её голос звучал, как морской прибой. — *Или сломать её? Ты не знаешь этого. Никто не знает.*

— *Я знаю,* — сказал Мнемос твёрдо. — *Я помню начало. Я помню, как Ключник создавал нас. Он сказал: «Когда человечество будет готово, вы станете их частью». Это — то самое «когда». Они приближаются.*

— *Приближаются?* — резко спросил Ордо, его форма была кристально правильной, почти механической. — *Они бегут от преследователя. Они скрываются. Они даже не понимают, что делают. Как мы можем доверять им, если они сами не доверяют себе?*

— *Потому что доверие не рождается из понимания,* — тихо сказала Стелла, та, что управляла временем небесных тел. — *Оно рождается из самого действия. Они действуют. Они рискуют. Это и есть готовность.*

Проноя наконец заговорила. Её голос был тревожным — в нём слышались эхо множества ветвей, которые она видела.

— Я вижу несколько вариантов, — сказала она. — В одном из них они погибают, и Скрижаль остаётся целой. В другом — они успевают, и всё меняется. Но есть третий вариант... тот, который я не могу прочитать. Он скрыт от меня, как будто кто-то намеренно закрывает его.

— Кто может скрывать будущее от тебя? — спросил Каир, его форма вспыхнула ярче.

Проня помедлила.

— Только тот, кто находится вне времени. Только тот, кто стоит за пределами ветвей.

Терминус поднял голову. Его тёмная форма поглощала свет вокруг него.

— Ты говоришь о Ключнике?

— Я не знаю, — ответила Проня. — Но я знаю, что мы не одни в этом споре. Кто-то ещё наблюдает за ними. Кто-то, кто не является ни нами, ни смертными.

Наступила тишина.

— Шпион, — сказал Архон. — Ты говоришь о том, кто проник в Даманхур?

— Он — лишь один из многих, — ответила Проня. — Он служит не нам. Но он служит не хаосу. Он служит... страху. Он боится, что человечество не готово. И он готов остановить их любой ценой.

Ферокс шагнул ближе.

— Тогда мы должны остановить его. Он угрожает не только им, но и всему порядку.

— *Мы не вмешиваемся,* — напомнил Архон. — *Таков закон.*

— *Закон был установлен для нас, чтобы мы не вредили,* — сказала Люцина. — *Но, если кто-то другой угрожает Скрижали, мы имеем право защищать её.*

Мнемос поднял руку, и все замолчали.

— *Я предлагаю не вмешиваться прямо,* — сказал он. — *Но я предлагаю дать им знак. Только один, чтобы они знали, что не одни.*

— *Какой знак?* — спросила Синектика.

Мнемос улыбнулся — впервые за долгое время.

— *Они увидят его, когда придет время. И они поймут.*

Совет Двенадцати завершился не решением, а обещанием.

Двенадцать растворились в своих контурах, каждый — в своей нити, продолжая охранять Скрижаль.

Проня задержалась рядом с Мнемосом.

— *Ты знаешь, что это рискованно,* — сказала она. — *Если они сломаются, мы не сможем их спасти.*

— *Я знаю,* — ответил он. — *Но, если они не попробуют, они никогда не станут тем, кем должны.*

Проня кивнула и исчезла.

Мнемос остался один, глядя на пульсирующие линии Скрижали.

Где-то там, в мире смертных, трое беглецов направлялись к Швейцарии. Где-то там их преследовал человек, который

боялся того, что они могли сделать.

А где-то там, за пределами времени, Махди наблюдал за всем этим и улыбался.

— *Дети мои,* — прошептал он. — *Вы даже не представляете, как я горжусь вами.*

Где-то за пределами времени.

Двенадцать снова собрались, но теперь их спор был глубже.

— Они бегут, — сказал Архон.

— Они ищут, — сказал Мнемос.

— Они не знают, где искать, — сказал Анор.

— Но они ищут, — сказал Мнемос. — И это — самое важное.

— Что, если они не найдут? — спросила Проноя.

— Тогда найдут другие, — сказал Мнемос. — Но я верю, что они найдут.

— Ты всегда веришь, — сказал Каир.

— Это моя работа, — сказал Мнемос. — Я — память. А память — это вера в то, что было, и в то, что будет.

Глава 11: убежище

Швейцария. Кантон Берн. Старый горный домик на окраине деревушки Гштад. Рассвет.

Машина Нади свернула с главной дороги на узкую грунтовку, которая петляла между соснами. Снег лежал на ветвях, и в предрассветном свете лес казался серебряным — холодным, но одновременно мирным. Они ехали почти два ча-

са, петляя по горным дорогам, чтобы сбить возможных преследователей.

Домик появился неожиданно — маленький, двухэтажный, с тёмными деревянными стенами и покатой крышей, под которой, наверное, жили ласточки летом. Сейчас он стоял пустой, запёртый на зиму, но Надя знала, где спрятан ключ.

— Это место принадлежит моей тёте, — сказала она, выходя из машины и вдыхая холодный утренний воздух. — Она уехала в Австралию на полгода. Никто не знает, что я знаю о нём. Мы будем здесь в безопасности... по крайней мере, на некоторое время.

Тара вышла из машины последней и замерла на мгновение. Она смотрела на горы вокруг — не такие высокие, как Алтай, но всё же родные. Её дыхание превращалось в пар, и она чувствовала, как усталость, накопившаяся за последние дни, начинает отпускать её.

— Здесь хорошо, — сказала она тихо. — Здесь тихо.

Элио выбрался из машины с сумкой, в которой лежали его заметки и несколько инструментов, которые он успел захватить перед побегом. Он оглядел домик, потом оглянулся на дорогу, по которой они приехали.

— Мы проверили следы? — спросил он у Нади.

— Я сбила их трижды, — ответила она. — И у меня есть глушилки сигнала. Мы чисты.

— Надеюсь, — сказал Элио, но в его голосе не было уве-

ренности.

Внутри домика было холодно, но уютно.

Деревянные стены, камин, который не топили несколько месяцев, старая мебель, покрытая белыми простынями. Надя сняла простыни с дивана и кресел, пока Тара разжигала камин — с удивительной лёгкостью, как будто делала это всю жизнь.

Через час они сидели вокруг огня, с чашками горячего чая, и впервые за долгое время могли просто говорить.

— Что мы теперь делаем? — спросил Элио, глядя на огонь. — Мы видели Скрижаль. Мы видели их. Двенадцать. Мнемос сказал, что мы не готовы. И потом появился этот человек.

— Он знал, где искать, — сказала Надя. — Он знал о спирали. Он знал о нашем эксперименте. Кто бы это ни был, у него есть доступ к информации, которую нельзя получить через обычные каналы.

— Может быть, он тоже слышит голоса, — сказала Тара. — Может быть, он не враг. Просто... другой.

Элио повернулся к ней.

— Другой? Он ворвался в Даманхур, он напугал старейшин, он преследует нас. Какой же он другой?

— Я не знаю, — ответила Тара спокойно. — Но, когда я думаю о нём, я не чувствую зла. Я чувствую... страх. Он боится нас. Боится того, что мы можем сделать.

— Или того, что мы можем разрушить, — сказала Надя

задумчиво. — Что, если он прав? Что, если мы действительно не готовы? Мы только что едва не уничтожили себя, войдя в Скрижаль.

— Мы не уничтожили себя, — сказал Элио. — Мы вошли и вернулись. Это — доказательство того, что мы можем больше, чем думаем.

— Или, что нам просто повезло, — парировала Надя.

Тара подняла руку, останавливая их спор.

— Мнемос сказал, что наше объединение — это ключ. Но он также сказал, что использовать его раньше времени опасно. Мы должны понять, что это значит. Если мы ключ, то для чего он? Что мы должны открыть?

Тишина повисла над ними. Только треск дров в камине нарушал её.

Элио наконец заговорил:

— В архивах Даманхура я нашёл текст, написанный одним из основателей. Он говорил о Двенадцати как о стражах, которые ждут момента, когда человечество будет готово стать ими. Может быть, мы — первые, кто подошёл к этому порогу. Но для этого нам нужно знать больше.

— У нас нет доступа к архивам Даманхура, — сказала Надя. — И мы не можем рисковать возвращаться туда.

— Зато у меня есть «Мерлин», — сказала Надя, и в её голосе появилась решимость. — Я могу попытаться смоделировать то, что мы видели. У нас есть данные с терминала. Если я смогу подключиться к «Мерлину» удалённо, возмож-

но, я смогу найти связь между тем, что мы видели в Скрижали, и тем, что знает проект «Хронос». Может быть, мы не первые, кто пытается это сделать.

— А если кто-то из «Хроноса» выследит нас через твой запрос? — спросил Элио.

— Я использую анонимный канал, — ответила Надя. — Они не смогут отследить его до нас. Я не просто оператор — я одна из архитекторов системы. Я знаю, как обойти её.

Тара кивнула.

— Тогда действуй. А я пока попытаюсь связаться с духами. Бабушка учила меня, как можно обращаться к Мнемосу через сны. Если он хочет помочь нам, он покажет путь.

— А я буду держать связь с Даманхуром, — сказал Элио. — Я должен узнать, что происходит там, и что ещё знает наш преследователь.

Они разделились по углам домика, каждый — со своей задачей. И хотя физически они были далеко друг от друга в пространстве маленькой комнаты, между ними теперь чувствовалась связь — та самая, которую они почувствовали у ворот Даманхура. Три частоты, которые резонировали в унисон, даже когда каждый из них был погружён в свою работу.

Несколько часов спустя.

Тара сидела у окна, глядя на закат. Медленно, почти незаметно, она погружалась в сон — не сон тела, а сон духа, в котором она могла услышать голос древней памяти.

Она видела горы. Снег. Оленей, бегущих по небу. И среди

них — одного, который смотрел на неё человеческими глазами.

Это был Мнемос.

— *Ты пришла,* — сказал он. — *Ты всегда приходишь, когда я зову.*

— *Я хочу знать, что нам делать,* — ответила она. — *Мы бежим. Мы ищем ответы. Но мы не знаем, куда идти.*

— *Идите туда, где началось всё,* — сказал Мнемос. — *Туда, где время впервые стало звучать. Вы найдёте подсказку, если посмотрите на то, что оставили предки.*

— *Где это?* — спросила Тара.

— *На Алтае,* — ответил Мнемос. — *Там, где ты родилась. Там, где твоя бабушка хранила кости. Там есть ответ, который вы ищете. Идите туда.*

— *Но Алтай далеко. И там холодно. А за нами охотятся.*

Мнемос улыбнулся — так же, как тогда, в Скрижали.

— *Охотник боится того, что вы можете найти. Поэтому он следует за вами. Но если вы не пойдёте, вы никогда не узнаете, кто вы на самом деле.*

Он начал исчезать.

— *Мы будем рядом,* — сказал он. — *Но идите. Идите, пока не поздно.*

Тара проснулась с ощущением, что холодный воздух коснулся её лица.

Она поднялась и подошла к Наде и Элио, которые всё ещё

работали над своими задачами.

— Я знаю, куда нам нужно идти, — сказала она.

— Куда? — спросила Надя.

— На Алтай. Мнемос сказал, что там есть ответ. И что мы должны найти его, пока не поздно.

Элио и Надя переглянулись. Алтай — далеко, в России. Тысячи километров. Но если Мнемос сказал, значит, это правда.

— Тогда мы идём туда, — сказал Элио.

— Но у нас нет плана, — сказала Надя. — Мы даже не знаем, что ищем.

— Мы найдём это, когда будем там, — ответила Тара. — Мнемос не ошибается.

В тот же вечер, на дороге, ведущей к Гштаду.

Человек в чёрном пальто остановил свой автомобиль у небольшого кафе на краю деревни. Он вышел из машины, оглядел окрестности — горы, снег, тишину — и заказал чашку кофе.

Его телефон завибрировал. Он поднял трубку.

— Да, — сказал он.

— Ты нашёл их? — спросил голос на другом конце.

— Не совсем. Они хорошо скрываются. Но я чувствую, что они близко. И я знаю, куда они могут двинуться дальше.

— Куда?

Человек сделал глоток кофе и улыбнулся.

— Они отправятся на Алтай. Я слышал этот разговор —

через обрывки голосов, которые подхватило моё устройство. Они ищут ответы там, где всё началось.

Голос на том конце молчал несколько секунд.

— Алтай — это опасно. Там есть те, кто не захочет, чтобы они докопались до истины.

— Поэтому я должен опередить их, — сказал человек в чёрном. — Я найду их там. И я остановлю их, если понадобится.

Он положил трубку, допил кофе и вернулся в машину.

Впереди была дорога на восток.

А за ним — тень, которая всегда преследовала, даже когда он не видел её.

Греческая мудрость

В маленьком греческом монастыре на Афоне старый монах переписывал текст Платона. Он остановился на словах: «Время — это движущийся образ вечности».

Он поднял глаза к небу и прошептал:

«Платон говорил о вечности. Мы говорим о времени. Но если вечность — это образ, а время — его движение, то кто-то должен быть художником. Кто-то должен держать кисть».

В его руках была древняя икона, изображающая Христа Пантократора, держащего земной шар. Но на шаре были нарисованы не материки, а спирали. Монах знал, что это за спирали. Они были древнее христианства. Они были древнее Греции. Они были такими же древними, как само время.

«Кто-то держит кисть, — повторил он. — И этот кто-то... он приближается».

Где-то за пределами времени.

Мнемос стоял у края Скрижали, и его форма была спокойной.

— Они нашли убежище, — сказал он.

— Они остановились, — сказал Архон.

— Они передохнули, — сказал Каир.

— И это хорошо, — сказал Мнемос. — Они должны отдохнуть, чтобы продолжить.

— Что ты видишь для них? — спросила Синектика.

— Я вижу путь, — сказал Мнемос. — Я не вижу конца.

Но я вижу путь.

Глава 12: тайна шпиона

Восточная Швейцария. Небольшой отель на границе с Австрией. Той же ночью.

Марк Вальтер сидел в своём номере, глядя на экран ноутбука, на котором светились карты, схемы и данные, собранные за последние дни. Он был агентом, но не тем, кого можно было бы классифицировать как правительственного, частного или независимого.

Он был чем-то средним.

Высокий, подтянутый, с лицом, которое легко забывалось, — он был идеальным шпионом. Но внутри него жила не просто дисциплина. Внутри него жила вера.

Он поднял взгляд от экрана и посмотрел на маленькую ве-

щицу, которая лежала на столике перед ним. Это была спираль — такая же, как та, что носила Тара, и та, что висела в зале «Металла». Но она была не из дерева и не из металла. Она была сделана из старого, выцветшего золота, с вкраплениями камня, который мог быть нефритом, а мог быть чем-то иным.

Он провёл пальцем по её поверхности и почувствовал, как внутри него что-то дрогнуло.

Спираль отозвалась.

Не звуком, не движением — просто лёгким, почти незаметным теплом в груди, как будто кто-то коснулся его сердца.

— Ты всё ещё слышишь меня, — прошептал он. — Даже после всех этих лет.

Он убрал спираль в карман и снова посмотрел на экран. Перед ним были фотографии троих беглецов — Элио, Нади и Тары. У каждого из них был амулет — хотя они сами не знали, что их связывает.

У них были спирали.

Он знал это, потому что сам носил такую же. Носил её двадцать лет, ещё до того, как начал эту охоту.

Но они носили свои спирали, не понимая их значения. Они думали, что это просто символы, амулеты, инструменты. Они не знали, что это — печати.

Печати, которые могли открыть дверь.

Или закрыть её навсегда.

Марк закрыл глаза и погрузился в воспоминания.

Двадцать лет назад. Центральная Азия. Предгорья Памира.

Он был молодым, только что завершил обучение, и его отправили в экспедицию вместе с группой археологов, которые искали древние захоронения в труднодоступных районах Таджикистана. Тогда он работал на один из западных институтов, который специализировался на «альтернативных историях».

Они нашли пещеру.

Внутри неё было захоронение, которое не поддавалось датировке. Возраст артефактов был настолько древним, что они не вписывались ни в одну известную историческую модель.

Но самым странным были стены.

На них были наскальные рисунки — не просто символы, а целые сцены. Люди в странных головных уборах, смотрящие на звёзды. Пирамиды, окружённые джунглями. Календарь, который не был похож ни на один известный календарь.

Марк тогда не знал, что это за рисунки. Но через много лет, изучая древние цивилизации, он понял: это были Майя.

Но как рисунки Майя могли оказаться в пещере в Центральной Азии?

Это было невозможно. Майя жили в Центральной Америке, за тысячи километров отсюда. Их цивилизация расцвела за тысячу лет до того, как эта пещера была запечатана.

И всё же рисунки были там. Они были такими же древними, как сама пещера. И они изображали то, чего никто не мог знать: двенадцать фигур, стоящих вокруг светящегося узора.

Тех самых двенадцать.

— *Что это?* — спросил он у своего наставника, старого археолога.

— *Я не знаю,* — ответил тот. — *Но я знаю, что эти символы старше, чем любая известная цивилизация. Старше Египта. Старше Шумера. Старше всего, что мы знаем.*

Марк подошёл к центральному алтарю, где лежала золотая спираль.

— *Не трогай её,* — сказал наставник. — *Мы должны изучить её сначала.*

Но Марк уже протянул руку.

Когда его пальцы коснулись спирали, он увидел их.

Двенадцать. Тени. Они стояли над ним и молчали. Они не говорили, но он понял всё — что они существуют вне времени, что они ждут, и что они наблюдают за людьми уже тысячелетия.

Он упал в обморок.

Но в тот миг, когда сознание покидало его, он увидел нечто большее, чем Двенадцать. Он увидел символы на стенах пещеры, которые не замечал раньше. Они не были похожи на рисунки Майя. Они были другими. Более резкими, угловатыми.

Одна из них привлекла его внимание. Это была не спи-

раль. Это была молния, перечёркнутая поперек. Он узнал её — он видел её в старых книгах по славянской мифологии, которые читал в юности. Руна «Сиг».

В голове Марка всплыли обрывки знаний, которые он когда-то слышал в научно-популярных фильмах Стрижака. Древние славяне измеряли время не просто в часах и минутах. У них были «сиги» и «миги» — настолько малые доли секунды, что современная наука едва могла их измерить. «Сиг» изображался как молния и означал мгновенное перемещение, прыжок сквозь пространство. «Сигануть» — значит пересечь время за одно дыхание.

«Они знали, — пронеслось в его сознании. — Они тоже знали. Не только Майя. Не только египтяне. Русские волхвы тоже умели считать время в сигах и мигах. Они знали, как перемещаться в его микро-щелях.»

Он почувствовал, как его собственное тело начинает вибрировать на частоте, которую он не мог объяснить. Тени Двенадцати смотрели на него, но теперь он видел их иначе — не как чуждых существ, а как часть единой системы координат, которую знали все народы мира, просто называли по-разному.

«Сиг, — прошептал он, теряя сознание. — Миг... Мгновение...»

Когда он очнулся, он был в госпитале. Врачи сказали, что у него был микроинсульт. Его отстранили от экспедиции и отправили домой.

Но он помнил.

Он помнил рисунки Майя, исчезнувшие с фотографий. Он помнил золотую спираль, которая жгла его ладонь. И он помнил руну молнии. Он помнил «сиг» — слово, которое означало прыжок сквозь время.

Его отстранили от экспедиции и отправили домой.

Но он помнил рисунки.

Он попросил коллег прислать ему фотографии пещеры.

Они прислали.

Но на фотографиях не было рисунков. Стены были пустыми. Гладкими. Как будто ничего там никогда не было.

— *Их там не было,* — сказал ему начальник экспедиции.

— *Ты, наверное, всё придумал.*

Но Марк знал правду.

Он видел их. И они исчезли в тот день, когда он коснулся спирали.

Рисунки Майя, которые не должны были существовать в этой пещере, исчезли, как будто их никогда не было. Как будто сама память о них стёрлась.

— *Они не исчезли,* — прошептал он тогда. — *Они просто ушли. Как Майя.*

Он начал исследовать.

Настоящее время. ОТЕЛЬ в Швейцарии.

Марк открыл глаза.

Он вспомнил всё. Пещеру. Рисунки. Золотую спираль. Исчезновение.

— *Майя*, — прошептал он. — *Они были здесь. Они были везде. Они были первыми, кто коснулся времени.*

Он посмотрел на свою золотую спираль, которая лежала на столике.

— *Ты помнишь их*, — сказал он ей. — *Ты помнишь, как они касались тебя. Как они исчезли. Как они стали частью Скрижали.*

Спираль не ответила. Но он знал, что она помнит.

Он встал, закрыл ноутбук и направился к выходу.

Впереди был Алтай.

Впереди была встреча.

Впереди была правда, которую он искал двадцать лет.

Память Майя

Марк не знал, что рисунки Майя в пещере были не единственными. По всему миру — в пещерах Австралии, в храмах Индии, в пирамидах Египта — были найдены такие же изображения. Двенадцать фигур. Светящийся узор. И люди, которые смотрели на него.

Археологи называли их «совпадениями».

Но Марк знал правду.

Майя не исчезли. Они не умерли. Они синхронизировались — и стали частью Скрижали.

Теперь он шёл по их следу. Он шёл к тем, кто должен был завершить то, что Майя начали.

Он шёл к троим.

И он знал, что если они не поймут этого, то могут повто-

ритель судьбу Майя: исчезнуть, оставив после себя лишь пустые стены и вопросы.

Но он также знал, что если они поймут, то смогут пойти дальше. Туда, куда Майя не смогли.

Он сжал свою золотую спираль.

— Я помню вас, — прошептал он. — Я помню ваш танец. Я помню ваш уход. Я помню вашу синхронизацию.

— Я не дам им повторить вашу судьбу.

— Я помогу им пойти дальше.

Тем временем, в домике в Гштаде.

Тара внезапно остановилась. Она смотрела в огонь, но не видела его. Вместо этого она видела лицо — чужое, чёрное, но с глазами, которые казались ей странно знакомыми.

— Тара? — спросил Элио. — Что с тобой?

— Он не враг, — сказала она тихо. — Я видела его. Сейчас. В огне. Он носит такую же спираль. Золотую. Он тоже слышал их.

Надя и Элио переглянулись.

— Ты уверена? — спросила Надя.

— Он не враг, — повторила Тара. — Он думает, что защищает нас от нас самих. Но он ошибается. Мы должны добраться до Алтая раньше него.

Она поднялась.

— Мы выезжаем завтра на рассвете.

Где-то за пределами времени.

Мнемос и Проня стояли вместе, глядя на нить, которая

принадлежала Марку.

— Он вспоминает, — сказала Проня. — Он вспоминает свой страх.

— Он вспоминает свою веру, — сказал Мнемос.

— Он вспомнит правду, — сказала Проня. — И это изменит его.

— Это уже изменило его, — сказал Мнемос. — Он больше не ищет, чтобы остановить. Он ищет, чтобы понять.

— Ты знаешь, что он найдёт? — спросила Проня.

— Я знаю, — сказал Мнемос. — Он найдёт себя.

Глава 13: дорога на Алтай

Швейцария. Дорога на восток. Раннее утро.

Машина Нади — чёрный внедорожник со швейцарскими номерами — двигалась по серпантину, оставляя позади заснеженные вершины Альп. Тара сидела на заднем сиденье, смотрела в окно и молчала. Элио — на пассажирском месте, изучал карту на своём планшете.

Надя вела машину с той спокойной сосредоточенностью, которая отличала её от большинства водителей. Она не просто управляла автомобилем — она контролировала маршрут, время, обстоятельства. Как будто могла просчитать каждую секунду пути.

— Мы пересечём границу с Австрией через два часа, — сказала она. — Потом — через Венгрию, Украину. Дальше — Россия. Это почти четыре тысячи километров.

— Если поедem без остановок, то будем через пять дней,

— сказал Элио. — Но у нас нет документов для пересечения российской границы.

— У меня есть, — сказала Надя. — Не официальные, но работать будут. Для нас троих.

— Ты всё предусмотрела? — спросил Элио с лёгкой усмешкой.

— Это моя работа, — ответила Надя.

Тара молчала. Она смотрела на снежные вершины, которые медленно сменялись зелёными холмами, и думала о доме. О том, каким он был. О бабушке, которая учила её читать следы оленей на снегу. О том, что она никогда не думала, что вернётся так — не как паломница, а как беглянка.

Она коснулась своей деревянной спирали и почувствовала, как та слегка нагрелась.

— Он знает, куда мы едем, — сказала она вдруг.

Надя взглянула в зеркало заднего вида.

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую его, — ответила Тара. — Как будто его спираль вибрирует на той же частоте. Он уже движется на восток. Возможно, он уже впереди нас.

Элио повернулся к ней.

— Мы можем обогнать его? Или он идёт параллельным маршрутом?

— Он где-то между нами и Алтаем, — сказала Тара. — Я не знаю точно. Но он не остановится. Мы должны добраться первыми.

— У нас есть преимущество — мы знаем, куда идём, — сказала Надя. — Он только догадывается.

— Но он знает больше, чем мы думаем, — ответила Тара. — Он носит свою спираль двадцать лет. Он слышал их раньше, чем мы.

— Откуда ты знаешь про двадцать лет? — спросил Элио с удивлением.

— Мнемос показал мне это, — сказала Тара. — Я видела его в видении. Его зовут Марк. Он был в пещере, где нашёл золотую спираль. Он видел Двенадцать, когда был молодым. И он решил, что человечество не готово.

Надя сжала руль чуть крепче.

— Он пытается защитить нас от самих себя.

— Да, — сказала Тара. — Но он ошибается. Мы готовы. Мы просто ещё не знаем, как.

Граница Австрии. Четыре часа спустя.

Пограничный переход был маленьким — просто будка с флагом и парой офицеров. Надя подъехала к контролю, достала свои документы и передала их человеку в форме. Он взглянул на неё, на пассажиров, но не задал ни одного вопроса.

Всё прошло гладко, почти неестественно.

— Что это были за документы? — спросил Элио, когда они отъехали от границы.

— Дипломатический паспорт, — ответила Надя. — У меня есть доступ к такого рода вещам. Но они действуют толь-

ко до Украины. Дальше — будем импровизировать.

Она взяла паузу и взглянула на Тару в зеркало.

— Мы действительно верим в это? — спросила она неожиданно. — В Мнемоса, в Двенадцать, в Скрижаль... Мы действительно верим, что мы — те, кто должен это сделать?

Тара встретила её взгляд.

— Я верю, — сказала она. — Но это не вопрос веры. Это вопрос знания. Я чувствую это в своей крови. Как ты чувствуешь ветви времени в своих данных. Это не вера — это реальность. Мы просто учимся её понимать.

Надя кивнула, но ничего не ответила.

Элио посмотрел на неё.

— Ты сомневаешься?

Надя помолчала.

— Я не верю в богов, — сказала она. — Я верю в математику. В структуру. В данные. Мнемос сказал, что я — проводница Пронои. Но я не знаю, что это значит. Я не знаю, могу ли я доверять тому, что чувствую, когда не могу это проверить.

— Ты уже проверила, — сказала Тара. — В зале «Металла». Ты видела Скрижаль. Ты слышала их голоса. Это не было ошибкой.

Надя покачала головой.

— Это могла быть галлюцинация. Эффект резонанса.

— Это не было галлюцинацией, — сказала Тара. — Ты знаешь это. Просто ты боишься принять это, потому что это

не вписывается в твою картину мира.

— А что, если я права? — спросила Надя. — Что, если мы просто вообразили всё это?

— Тогда почему твой «Мерлин» показал ту же самую картину? — спросил Элио. — Почему спираль откликнулась? Почему твои видения совпали с моими?

Надя молчала.

— Я не знаю, — наконец сказала она. — Но я знаю, что мы должны добраться до Алтая. Потому что, что бы это ни было — истина или иллюзия — мы должны это выяснить.

Украина. Ночь второго дня.

Они остановились на маленькой придорожной станции, чтобы заправиться и перекусить. Надя сидела за столиком с чашкой кофе, уставившись на экран своего планшета. Она пыталась установить защищённое соединение с «Мерлином», но сигнал был слабым.

Элио и Тара стояли у машины, глядя на бескрайнюю степь, которая начиналась сразу за дорогой. Ветер дул с востока, принося запах сухой травы.

— Это похоже на Алтай, — сказала Тара тихо. — Только нет гор. Но воздух такой же — чистый, как в видениях.

— Когда мы доберёмся, — сказал Элио, — что мы там найдём?

— Я не знаю, — ответила Тара. — Может быть, пещеру, как та, что нашёл Марк. Может быть, что-то другое. Но я знаю, что там есть ответ.

Элио посмотрел на неё.

— Ты веришь, что мы сможем сделать это? Не просто найти ответ, а... понять его? Стать тем, кем должны стать?

Тара улыбнулась.

— Ты тоже сомневаешься?

— Каждый учёный сомневается, — ответил Элио. — Сомнение — это часть процесса.

— Тогда давай сомневаться вместе, — сказала Тара. — И идти вперёд.

Они обернулись на звук шагов — Надя подошла к ним, держа в руке телефон.

— Я проверила, — сказала она. — Марк уже пересек границу России. Он движется быстрее, чем мы.

— Он летит? — спросил Элио.

— Не знаю. Но он где-то впереди. Если мы хотим опередить его, нам нужно меньше останавливаться.

— Мы не можем ехать без остановок, — сказала Тара. — У нас есть пределы. Но мы можем сократить время, если поедem по прямой.

— Прямая — через горы, — сказала Надя. — Это опасно.

— Но это быстрее, — ответила Тара. — И мы должны быть готовы рискнуть.

Надя посмотрела на неё, на Элио, на бесконечную степь, раскинувшуюся перед ними.

— Хорошо, — сказала она. — Но, если мы разобьёмся, я буду говорить: «Я же говорила».

Она улыбнулась — впервые за несколько дней.

Они сели в машину, и внедорожник снова двинулся на восток, в темноту.

Где-то за пределами времени.

Мнемос стоял у края Скрижали, и его пальцы касались нити Алтая.

— Они возвращаются, — сказал он. — Они возвращаются к началу.

— Это правильно? — спросил Архон.

— Это необходимо, — сказал Мнемос. — Чтобы знать, куда идти, нужно знать, откуда пришёл.

— Ты говоришь как шаман, — сказал Каир.

— Я и есть шаман, — сказал Мнемос. — Я — память всех шаманов, которые когда-либо слушали время.

Глава 14: знак Мнемоса

Россия. Оренбургская область. Степь. Третий день пути.

Они въехали в Россию через небольшой пограничный переход, который Надя провела с помощью документов, выглядевших абсолютно реальными. Элио не спрашивал, как она их достала — он просто принял это как часть её мира, мира контролируемых данных и возможностей, о которых он не хотел думать.

Дорога была ровной и пустой. Степь расстилалась вокруг, бесконечная, золотисто-коричневая, с редкими островками кустарников и странными скальными выходами, похожими на спящих зверей.

Тара сидела на заднем сиденье, уставившись в окно. Она молчала с утра, и Надя с Элио переглядывались, чувствуя, что в ней происходит что-то важное, но не спрашивая — знали, что она скажет, когда будет готова.

Внезапно Тара вздрогнула и прижала ладонь к стеклу.

— Остановитесь, — сказала она тихо, но с такой силой, что Надя инстинктивно нажала на тормоз.

— Что случилось? — спросил Элио.

— Здесь, — сказала Тара, выходя из машины, даже не дождавшись, пока та полностью остановится. — Мы должны быть здесь.

Она стояла на дороге, глядя в степь, где вдалеке виднелся странный холм — невысокий, покрытый травой, но с очертаниями, которые не были естественными. Он был слишком правильным, слишком симметричным.

Надя и Элио вышли из машины и подошли к ней.

— Что это? — спросила Надя.

— Я не знаю, — ответила Тара. — Но Мнемос зовёт меня. Он сказал: «Идите туда, где время впервые стало звучать». Я думала, это только на Алтае. Но, возможно, это везде, где люди касались времени.

Она начала идти к холму.

Элио и Надя последовали за ней.

Холм оказался древним курганом.

Когда они подошли ближе, они увидели, что это не просто возвышенность — это было рукотворное сооружение, уходя-

щее корнями в глубину веков. Камни, уложенные в спираль — такую же спираль, как та, что они видели в Самоике, как та, что была на амулете Тары.

Надя присела и провела рукой по камням.

— Это не каменный век, — сказала она. — Эта кладка... она слишком сложная. И структура напоминает... геометрию «Мерлина».

— Ты видишь ветви здесь? — спросил Элио.

— Я чувствую их, — ответила Надя. — Как будто время здесь течёт иначе. Медленнее. Или... иначе.

Тара подошла к центру кургана. Там, где камни образовывали самый плотный узел, она остановилась и опустилась на колени. Она закрыла глаза и коснулась земли ладонями.

И почувствовала, как мир уходит из-под неё.

Она стояла в Скрижали.

Но теперь она не была просто наблюдателем. Она была... частью узора. Как будто её тело состояло из тех же нитей, что и бесконечная паутина вокруг неё.

Перед ней стоял Мнемос — но не как тень, не как голос. Он был почти осязаемым. Его форма переливалась, но в его глазах было тепло.

— Ты пришла в нужное место, — сказал он. — Это не Алтай. Но это один из узлов, которые мы оставили для тех, кто ищет. Здесь вы найдёте то, что изменит ваше понимание.

— Что я должна найти? — спросила Тара.

— Символ, который не был создан руками человека, — сказал Мнемос. — Он был здесь задолго до того, как время стало измеряться. Он — часть Скрижали. И когда вы коснётесь его, вы поймёте, что не просто проводники. Вы — её продолжение.

Тара хотела спросить ещё, но видение начало ускользать. Она почувствовала, как чья-то рука коснулась её плеча.

— Ты не одна, — сказал Мнемос. — Вспомни это. Ты никогда не была одна.

Она открыла глаза.

Надя стояла над ней, держа её за плечо. Элио стоял рядом, глядя на то место, где земля начала светиться.

Прямо перед Тарой, там, где она коснулась земли, из почвы проступал камень. Обычный на вид, но с поверхностью, которая переливалась всеми цветами радуги, как масляная плёнка на воде.

— Что это? — спросила Надя.

— Это и есть символ, — сказала Тара, поднимая камень. — Мнемос сказал, что мы должны найти его. Что он — часть Скрижали.

Она посмотрела на камень. Внутри него, как будто запертый в янтаре, виднелся узор — та же спираль, но не простая, а многомерная, как если бы кто-то нарисовал её сразу в нескольких плоскостях, непостижимых для обычного зрения.

Элио подошёл ближе и посмотрел на камень.

— Это не оптическая иллюзия, — сказал он. — Это... это структура, которая существует в нескольких измерениях. Как же это возможно?

— Это возможно, потому что мы начали видеть, — ответила Тара. — И Мнемос дал нам знак, чтобы мы не сбились с пути.

Надя поднесла свой терминал к камню. Прибор издал короткий писк — и на экране загорелась карта.

— Он показывает координаты, — сказала она. — Новые координаты. Не Алтай... а место в центре Алтая. Другая точка.

Они переглянулись.

— Это не просто знак, — сказал Элио. — Это — указатель. Он говорит нам, куда именно нужно идти.

Тара убрала камень в сумку и поднялась.

— Мы не должны останавливаться, — сказала она. — Нам нужно двигаться туда. Центр Алтая. Там, где всё началось.

Они вернулись к машине.

Но на этот раз в машине было нечто большее, чем просто трое беглецов.

В машине была часть Скрижали.

И пульс её отдавался в груди каждого из них.

Несколько часов спустя. Степь. Внедорожник снова на дороге.

Элио держал камень в руках, изучая его через специальную лупу, которую нашёл в своём рюкзаке.

— Я не могу объяснить это физически, — сказал он. — Но он вибрирует. На определённой частоте. Как будто он настроен на ту же волну, что и мы.

— Он настроен на Скрижаль, — сказала Тара. — Это часть её. Как осколок зеркала, который отражает целое.

— Мы должны быть осторожны, — сказала Надя. — Если Марк сможет обнаружить этот сигнал, он поймёт, что мы приближаемся к цели.

— Тогда мы должны быть быстрее, — ответила Тара.

Она сжала камень в руке и почувствовала, как он пульсирует в такт с её сердцем.

Мнемос дал им знак.

И они не могли его подвести.

Где-то за пределами времени.

Мнемос стоял над Алтаем, и его свет падал на горы.

— Я даю им знак, — сказал он.

— Это опасно, — сказал Архон.

— Это необходимо, — сказал Мнемос. — Они должны знать, что они не одни.

— Они уже знают, — сказала Проня.

— Знать и чувствовать — разные вещи, — сказал Мнемос. — Я хочу, чтобы они чувствовали.

Глава 15: встреча с прошлым

Россия. Республика Алтай. Окрестности горы Белуха.
День четвёртый.

Марк Вальтер стоял на склоне, глядя на заснеженные вер-

шины, которые вздымались к небу, как древние стражи. Ветер был холодным и чистым, он приносил запах камня, снега и сухой травы. Здесь, в сердце Алтая, он чувствовал то, что не мог объяснить словами — как будто время текло иначе, медленнее, позволяя ему видеть то, что обычно скрыто.

Он был здесь раньше, двадцать лет назад. Но тогда он не заходил так глубоко. Тогда он только прикоснулся к тайне. Теперь он должен был понять её.

Золотая спираль на его шее слегка нагрелась, пульсируя в такт с его сердцем. Она вела его, как компас, указывая путь к месту, где сила Времени была наиболее плотной.

Он поднимался выше, туда, где снег сменялся голыми скалами, а тропа превращалась в едва заметную трещину между камнями.

И вдруг он остановился.

Перед ним, в углублении скалы, была пещера. Небольшая, почти незаметная, но её вход был выложен камнями, образующими тот же узор, что он носил на шее. Спираль.

Марк вошёл внутрь.

Пещера была тёплой, несмотря на холод снаружи. Внутри неё горел огонь — небольшой костёр, который кто-то поддерживал. Рядом с костром сидела женщина. Старая, с седыми волосами, заплетёнными в косы, и глазами, которые смотрели на Марка с удивительным спокойствием. Она была одета в традиционную алтайскую одежду — расшитый халат, длинная юбка, на шее — ожерелье из костей и камней.

Женщина улыбнулась.

— Я знала, что ты придёшь, — сказала она на русском. — Моя внучка говорила мне о тебе. Ты тот, кто носит золотую спираль.

Марк остановился.

— Кто ты? — спросил он на том же языке — он знал его достаточно хорошо.

— Я — бабушка Тары, — сказала женщина. — Но ты можешь звать меня Айына. Я ждала тебя.

— Ты умерла, — сказал Марк. — Тара сказала, что ты умерла два года назад.

Айына усмехнулась.

— Умерла в твоём мире. Но здесь, где время течёт иначе, я всё ещё могу говорить с теми, кто ищет. Я пришла, чтобы сказать тебе то, что ты должен услышать.

Марк сел напротив неё, не сводя с неё глаз.

Он привык доверять только своим расчётам, своим данным, своему опыту. Но перед ним сидела женщина, которая должна была быть мёртвой, и она говорила с ним с такой ясностью, что он не мог сомневаться в реальности происходящего.

— Ты ищешь их, чтобы остановить, — сказала Айына. — Но ты ошибаешься, Марк. Они не те, кого нужно останавливать.

— Они касаются того, к чему не готовы, — ответил Марк твёрдо. — Я видел, что происходит, когда люди пытаются

управлять временем. Хаос. Разрушение. Я не могу позволить этому случиться снова.

— Снова? — переспросила Айына. — Ты видел это только один раз, двадцать лет назад, в той пещере. Ты видел тени Двенадцати и испугался. Ты решил, что человечество недостойно.

— Я решил, что оно не готово, — поправил он.

— Готовность не приходит сама по себе, — сказала Айына. — Она рождается из попыток. Из ошибок. Из риска. Моя внучка Тара — она готова. И её спутники — тоже. Они не разрушают время, Марк. Они учатся дышать в такт с ним.

Марк покачал головой.

— Ты не понимаешь. Я не просто хочу остановить их. Я пытаюсь спасти их от того, что они могут натворить. Если они войдут в Скрижаль неподготовленными, они могут сломать её навсегда.

Айына подняла руку.

— У тебя есть своя спираль, — сказала она. — Ты носишь её двадцать лет. Но ты никогда не пробовал использовать её по-настоящему. Ты боишься того, что она может показать тебе.

— Я не боюсь, — сказал Марк, но в его голосе прозвучала неуверенность.

— Тогда попробуй, — сказала Айына. — Дай мне свою руку.

Он колебался. Но что-то в её взгляде — спокойное, древ-

нее, мудрое — заставило его протянуть руку.

Айына взяла его за руку и закрыла глаза.

Мир вокруг них изменился.

Марк снова стоял в Скрижали.

Но теперь он видел её иначе. Не как хаотическое переплетение нитей, а как музыку. Каждая линия была нотой, каждый узел — аккордом. И он чувствовал, как эти ноты отзываются в нём самом.

Перед ним стояла Проноя — та, чей голос он слышал двадцать лет назад. Она смотрела на него с пониманием, почти с состраданием.

— *Ты вернулся,* — сказала она. — *Ты вернулся, чтобы остановить их. Но на самом деле ты вернулся, чтобы найти себя.*

— Я не понимаю, — сказал Марк.

— *Ты думал, что защищаешь мир,* — сказала Проноя. — *Но ты защищал свой страх. Ты боялся, что если они преуспеют, то ты окажешься ненужным. Что твоя двадцатилетняя борьба была напрасной.*

— Это не так, — возразил он, но голос его дрогнул.

— *Ты носил спираль двадцать лет,* — сказала Проноя. — *Но ты никогда не задавал ей правильный вопрос. Ты всегда спрашивал: «Как остановить?» А нужно было спросить: «Как помочь?»*

Она шагнула ближе.

— *Твоя миссия не была ошибкой. Ты был нужен — как*

страж, который проверяет, достойны ли пришедшие. И теперь ты знаешь, что они достойны. Ты должен не останавливать их, а идти с ними.

— Но я не знаю, как, — сказал Марк. — Я не знаю, кому теперь верить.

— *Верь своим чувствам,* — сказала Проня. — *Они не лгут. Спираль ведёт тебя к ним, а не от них.*

Она начала исчезать.

— *Ты уже сделал первый шаг, Марк. Ты пришёл сюда. Ты встретился с прошлым. Теперь ты готов к будущему.*

Он остался один в Скрижали, глядя на пульсирующие нити.

И впервые за двадцать лет он почувствовал не страх, а покой.

Он открыл глаза.

Он сидел у костра в пещере, напротив Айыны. Её глаза были открыты, и она смотрела на него с той же спокойной улыбкой.

— Ты видел, — сказала она. — Теперь ты знаешь.

— Да, — сказал Марк тихо. — Я видел.

Он посмотрел на свою золотую спираль. Она больше не казалась ему оружием или инструментом контроля. Она казалась приглашением.

— Где я найду их? — спросил он.

— Они идут сюда, — сказала Айына. — В центр Алтая. К тому месту, где начинается ответ. Если ты хочешь быть с

ними, ты должен ждать там.

Она встала, и на мгновение Марку показалось, что она стала прозрачной, как будто её тело было соткано из света.

— Я должна идти, — сказала она. — Моё время здесь заканчивается. Но запомни, Марк: они не твои враги. Они — твоя семья. Ты просто не знал этого раньше.

Она исчезла.

Костер погас.

И Марк остался один в тёмной пещере, но в его груди горел свет, которого не было раньше.

Он вышел из пещеры и посмотрел на горы.

Ветер коснулся его лица, и он почувствовал, что впервые за двадцать лет он знает, куда идти.

Он направился в центр Алтая, к тому месту, которое указала ему Проноя.

Туда, где его ждала встреча.

Не с врагами.

С теми, кто должен был стать его спутниками.

Где-то за пределами времени.

Проноя стояла рядом с Марком, но он её не видел.

— Он наконец видит, — сказала она. — Он видит не тени, а частоты.

— И что он видит? — спросил Мнемос.

— Он видит себя, — сказала Проноя. — Он видит свой страх. И он готов принять его.

— Это — самое важное, — сказал Мнемос. — Страх —

это не враг. Это указатель. И он наконец понял это.

Глава 16: пещера предков

Россия. Республика Алтай. Центральная часть горного массива. День пятый.

Дорога к центру Алтая была самой трудной за все дни путешествия.

Они оставили машину у подножия перевала, где дорога превращалась в едва заметную тропу, а затем и вовсе исчезала среди скал и осыпей. Надя, привыкшая к бетонным коридорам «Цербера», с трудом переставляла ноги, но не жаловалась. Элио шёл молча, его лицо было сосредоточенным. Тара двигалась легко, как будто горы сами узнавали её и помогали идти.

Камень, который они нашли в кургане, теперь лежал в кармане Тары. Он нагревался всё сильнее, пульсируя, как маленькое сердце, указывая им путь.

— Здесь, — сказала она, остановившись у высокой скалы, покрытой мхом и лишайниками. — Это место.

Надя подошла ближе и провела рукой по поверхности скалы.

— Я не вижу входа.

— Он есть, — ответила Тара. — Но он открывается не для глаз.

Она подошла к скале и приложила к ней ладонь. Камень в её руке нагрелся почти до боли — и вдруг поверхность скалы начала светиться. Не ярко, а мягко, как будто свет сочился

изнутри самой земли. Контуры спирали проявились на камне — та же форма, что была на амулете, что была на камне, что была в зале «Металла».

Скала вздохнула.

Это был не звук, а ощущение — как если бы земля под ними сделала вдох. И затем часть скалы начала медленно отодвигаться в сторону, открывая тёмный проход.

Тара убрала руку и повернулась к спутникам.

— Мы идём внутрь. Но будьте готовы. Это не обычная пещера. Здесь время... иное.

Пещера предков оказалась больше, чем они могли представить.

Они вошли в коридор, который расширялся по мере того, как они углублялись. Стены были гладкими — слишком гладкими для естественной пещеры. На них были вырезаны символы: те же спирали, пересекающиеся линии, круги с точками в центре. Они были повсюду, образуя сложные узоры, которые переплетались и расходились, как нити Скрижали.

Элио остановился, чтобы рассмотреть один из них.

— Эти символы... они похожи на те, что я видел в архивах Даманхура. Но здесь они старше. Намного старше.

— Сколько? — спросила Надя.

— Я не могу точно определить. Но я чувствую, что их возраст измеряется не столетиями. Тысячелетиями. Возможно, десятками тысяч лет.

— Они знали, — сказала Тара тихо. — Наши предки знали о Властелинах. Они строили эти пещеры как храмы, чтобы связываться с ними.

Марк не слушал их. Он стоял у одной из стен, его пальцы касались выбитого на камне знака. Это была не спираль. Это была молния, перечёркнутая поперёк.

— Я знаю этот знак, — сказал он, и голос его дрогнул.

— Что это? — спросила Надя.

— Это руна «Сиг», — сказал Марк. — Мои предки верили, что она открывает дверь между временами. Они называли её «знаком прыжка».

— Твои предки? — переспросила Тара.

— Славянские волхвы, — сказал Марк. — Они тоже знали о Скрижали. Они просто называли её по-другому. Они знали, что время можно измерять в сигах и мигах — величинах, которые современная наука даже не может представить.

Он провёл пальцем по руне, и на мгновение ему показалось, что камень потеплел под его рукой.

— Я думал, что это просто легенды, — сказал он. — Я думал, что мои предки верили в сказки. Но они были здесь. Они касались этих стен. Они оставили свои знаки рядом с шаманскими символами. Они знали.

Элио подошёл ближе.

— Как это связано с Самоикой?

— Самоика — это попытка создать искусственный «сиг», — сказал Марк. — Но волхвы не использовали металл. Они

использовали сознание. Они не измеряли время — они дышали им.

Он оторвал руку от стены и повернулся к остальным.

— Мы не первые, кто ищет эту пещеру. И мы не последнее. Но мы — те, кто должен вспомнить.

— Что мы должны вспомнить? — спросила Тара.

— Что время — это не враг, — сказал Марк. — Это голос. И мои предки знали, как его слышать. Теперь мы должны научиться этому снова.

Он пошёл дальше по коридору, оставляя за спиной руку, которая мерцала в полумраке, как молния, застывшая во времени.

Элио остановился, чтобы рассмотреть один из них.

— Эти символы... они похожи на те, что я видел в архивах Даманхура. Но здесь они старше. Намного старше.

— Сколько? — спросила Надя.

— Я не могу точно определить. Но я чувствую, что их возраст измеряется не столетиями. Тысячелетиями. Возможно, десятками тысяч лет.

— Они знали, — сказала Тара тихо. — Наши предки знали о Властелинах. Они строили эти пещеры как храмы, чтобы связываться с ними.

Она коснулась одной из спиралей на стене. Камень в её руке отозвался — и вся пещера начала светиться. Символы на стенах засияли мягким золотистым светом, как будто тысячи свечей зажглись одновременно.

— Она живая, — сказала Надя, оглядываясь. — Пещера... она дышит.

— Она связана со Скрижалью, — ответила Тара. — Это один из узлов. Место, где время становится тоньше и где можно говорить с теми, кто за пределами.

Они пошли дальше, и коридор привёл их в огромный зал. Зал был круглым, с высоким куполообразным потолком, уходящим в темноту.

В центре зала находился каменный алтарь — простой, грубо обработанный, но на его поверхности светились те же символы, что были на стенах. Вокруг алтаря — двенадцать каменных сидений, расположенных по кругу.

— Двенадцать, — прошептал Элио. — Как Властелины.

Тара подошла к алтарю. Она положила на него камень, который принесла с собой, и в тот же момент вся пещера замерла. Свет стал ярче, а затем начал собираться в центре, над алтарём, формируя образ.

Это был не человек. Это была форма, сотканная из света и теней, которая двигалась и переливалась, но в ней угадывались черты — старый мудрец, воин, женщина, дитя. Все лица одновременно.

— Мнемос, — сказала Тара.

— *Вы пришли*, — сказал он, и голос его звучал в их головах, как тихий ветер. — *Ты и те, кто с тобой. Вы пришли к истоку.*

— Что мы должны сделать? — спросила Тара.

— *Вы должны вспомнить,* — ответил Мнемос. — *Не узнать. Вспомнить. Потому что вы уже были здесь. Ваши души были частью этого места задолго до того, как вы родились в своих телах.*

Надя сделала шаг вперёд.

— *Что значит «вспомнить»?* Я никогда не была здесь. Я никогда не видела эту пещеру.

— *Ты видела её,* — сказал Мнемос. — *В своих снах. В своих видениях. В тех моментах, когда ты смотрела на данные «Мерлина» и видела не числа, а свет. Ты была здесь, Надя. Ты просто забыла.*

Он повернулся к Элио.

— *И ты, учёный, который создал спираль. Ты думал, что изобрёл её. Но ты просто вспомнил то, что видел во сне, когда был ребёнком. Ты видел этот зал. Ты видел нас. И ты построил своё открытие на основе этого воспоминания.*

Элио побледнел.

— Я... я не помню этого.

— *Потому что память была запечатана,* — сказал Мнемос. — *Чтобы вы не искали ранние времена. Но сейчас время пришло. Вы должны вспомнить, кто вы есть на самом деле.*

Он поднял руку, и свет начал окутывать каждого из них по отдельности.

Элио почувствовал, как его разум наполняется образами: он — ребёнок, стоящий перед спиралью, вырезанной на кам-

не. Он — юноша, читающий древние тексты. Он — учёный, создающий Самоику, но внутри него уже есть знание, которое он не может объяснить.

Надя увидела себя не в «Цербере», а в этой самой пещере, сидящей на одном из каменных сидений и смотрящей на светящийся узор. Она чувствовала, как этот узор отзывается в ней, как она понимает его язык.

Тара увидела не себя, а тех, кто был до неё: бабушку Айину, её мать, её бабушку — цепочку женщин, которые хранили память о Двенадцати и передавали её из поколения в поколение. И в конце цепочки она увидела себя — ту, кого выбрали, чтобы завершить круг.

Они снова стояли в центре зала, тяжело дыша.

— Теперь вы знаете, — сказал Мнемос. — Вы не просто исследователи. Вы — продолжение Скрижали. Каждый из вас — живой узел, через который время может говорить с миром.

Он поднял руку, и свет вокруг них начал мерцать.

— *Но вы должны быть готовы к тому, что пришло время выбора. Времени, когда вы решите, кто вы есть и что вы готовы сделать.*

— Какой выбор? — спросила Тара.

— *Остаться теми, кто вы есть, — и наблюдать, как мир меняется сам. Или стать теми, кем вы должны быть, — и изменить мир вместе со временем.*

Надя шагнула вперёд.

— Я хочу знать правду. Всю правду.

— *Правда внутри вас,* — сказал Мнемос. — *Вы просто должны открыть её.*

За пределами пещеры, на склоне горы, Марк Вальтер остановился.

Он чувствовал, как его золотая спираль пульсирует в такт с чем-то глубоко под землёй. Он знал, что они там, внутри. Он чувствовал их присутствие — и чувствовал, что они уже не те, кем были.

Он сделал шаг к пещере, но остановился, когда увидел фигуру у входа. Это была Айына. Она стояла и смотрела на него с той же спокойной улыбкой.

— Они внутри, — сказала она. — Но они должны пройти через это сами. Ты можешь войти, только когда они позовут тебя.

Марк кивнул.

— Я подожду.

Он сел на камень и стал ждать, чувствуя, как время течёт вокруг него — иное, живое, полное тайны.

А внутри пещеры трое беглецов стояли перед алтарём, готовясь сделать шаг в неизвестность.

Где-то за пределами времени.

Мнемос стоял в центре Скрижали, и его форма была ярче, чем когда-либо.

— Они вошли в пещеру, — сказал он. — Они вошли в память.

— Что они найдут там? — спросил Каир.

— Они найдут то, что ищут, — сказал Мнемос. — Они найдут ответы на вопросы, которые ещё не задали.

— И что они сделают с ними? — спросил Архон.

— Они сделают выбор, — сказал Мнемос. — И я верю, что он будет правильным.

Глава 17: выбор

Россия. Республика Алтай. Пещера предков. Тот же день.

Свет в пещере медленно угасал, оставляя после себя лишь мягкое сияние символов на стенах. Трое стояли в центре зала, и каждый чувствовал, что мир вокруг них уже не был прежним.

Мнемос исчез, оставив после себя только тишину и вопрос.

Элио первым нарушил молчание.

— Я не знаю, что я должен выбрать, — сказал он. — Я всю жизнь был учёным. Я верил в данные, в эксперименты, в то, что можно измерить. А теперь мне говорят, что я — часть чего-то, что нельзя измерить.

— Ты всегда был частью этого, — тихо сказала Тара. — Ты просто не знал.

— Но что это значит — «быть продолжением Скрижали»? — спросила Надя. — Это значит, что мы перестаём быть людьми? Мы становимся чем-то другим?

— Нет, — ответила Тара. — Мы остаёмся людьми. Но мы начинаем видеть то, что скрыто. Как будто мы всегда смот-

рели на мир через мутное стекло, а теперь оно становится прозрачным.

Она повернулась к ним.

— Я знаю, что вы боитесь. Я тоже боюсь. Но мы не можем остановиться. Мы должны идти дальше.

Элио глубоко вздохнул.

— Тогда я выбираю идти. Я не знаю, что нас ждёт. Но я знаю, что назад дороги нет.

Надя долго молчала. Она смотрела на свои руки — руки, которые привыкли работать с клавиатурой и данными, — и чувствовала, как они слегка вибрируют, как будто внутри неё оживает что-то древнее.

— Я не знаю, во что я верю, — сказала она. — Но я знаю, что мы должны это сделать. Потому что, если мы не сделаем, никто не сделает.

Тара кивнула.

— Тогда мы готовы.

Она подошла к алтарю и коснулась камня, который всё ещё лежал на его поверхности. Камень отозвался — и стены пещеры начали светиться ярче. Символы двигались, перетекая один в другой, как живая карта.

— Это карта, — сказала Надя, подходя ближе. — Карта... Скрижали.

— Или того, как мы можем достичь её, — сказал Элио.

Они стояли, вглядываясь в узор, который мерцал перед ними, показывая пути, которые раньше были скрыты.

И в этот момент за стенами пещеры раздался звук.

Снаружи, у входа в пещеру.

Марк Вальтер стоял неподвижно, глядя на свет, который пробивался из-под земли. Его золотая спираль на груди пульсировала быстро, как сердце загнанного зверя.

Он чувствовал их — троих, которые были внутри. Они изменились. Они больше не были просто людьми. Они стали... больше.

Но в то же время он чувствовал что-то другое. Что-то, что двигалось по склону горы, приближаясь к пещере. Кто-то ещё.

Марк обернулся.

Внизу, на склоне, он увидел две фигуры,двигающиеся с неестественной скоростью. Они не были похожи на обычных людей — их движения были слишком плавными, слишком быстрыми. Они не спотыкались о камни, не оставляли следов на снегу.

Они были не из этого времени.

Марк прищурился. Его спираль нагрелась почти до боли, и он понял: это те, кого он боялся встретить. Те, кто служил не Двенадцати, а другому — тому, кто хотел захватить Скрижаль для своих целей.

Он не знал их имён. Но он знал, что они не должны попасть в пещеру.

Он сделал шаг к входу.

— Я должен предупредить их, — сказал он себе. — Я дол-

жен сказать им, что они не одни.

Он бежал к пещере, чувствуя, как ветер бьёт в лицо.

Внутри пещеры.

Свет внезапно погас.

— Что происходит? — спросил Элио.

— Кто-то снаружи, — сказала Тара. — Кто-то приближается.

Надя поднесла свой терминал к светящемуся камню, и на экране замигали символы — предупреждение.

— Это не Марк, — сказала она. — Это кто-то другой. Более... агрессивный.

— Мы должны уходить, — сказал Элио.

— Нет, — сказала Тара. — Мы не можем просто бежать. Мы должны встретить их. Мы должны узнать, кто они.

Она подошла к выходу из пещеры и остановилась на пороге.

И в этот момент она увидела Марка, бегущего к ней. За ним, по склону горы, двигались две тени.

— Кто они? — спросила Тара, когда Марк приблизился к ней.

Он остановился, тяжело дыша.

— Я не знаю. Но они — не те, кто служит Двенадцати. Они служат кому-то, кто хочет использовать Скрижаль для власти. Если они войдут в пещеру, они возьмут контроль над временем.

— И что мы должны делать? — спросила Надя, подходя

к ним.

— Мы должны остановить их, — сказал Марк. — Мы должны защитить это место.

Они стояли у входа в пещеру, глядя на приближающиеся тени. И каждый из них знал, что это — момент выбора.

Элио посмотрел на Тару, на Надю, на Марка.

Он вспомнил слова Мнемоса: «Вы — продолжение Скрижали».

— Мы не должны быть теми, кто спасается бегством, — сказал он. — Мы должны быть теми, кто принимает вызов.

Надя кивнула.

— Я вижу их движения. Они не из нашего времени. Они используют временные сдвиги, чтобы ускоряться. Но я могу видеть их ветви. Если они продолжат движение по той же траектории, они достигнут входа через пять минут.

— У нас есть пять минут, — сказала Тара. — Мы должны использовать их.

Марк шагнул вперёд.

— Я могу задержать их. Моя спираль создаёт поле, которое замедляет время вокруг меня. Я смогу дать вам время, чтобы закрыть вход в пещеру.

— Но ты не сможешь сдерживать их вечно, — сказала Надя.

— Я знаю, — сказал Марк. — Но я сделаю всё, что могу. Тара посмотрела на него.

— Почему ты хочешь помочь нам? Ты пытался остановить

нас.

— Я ошибался, — сказал Марк просто. — Я думал, что защищаю мир. Но я просто боялся того, что не понимал. Теперь я понимаю. Вы — те, кто должен это сделать.

Он повернулся, чтобы идти к приближающимся теням.

— Не дайте им войти, — сказал он. — Что бы ни случилось.

Он побежал вниз по склону, навстречу двум фигурам.

Тара, Надя и Элио остались стоять у входа в пещеру.

— Что мы делаем? — спросил Элио.

Тара посмотрела на них.

— Мы закрываем вход. И мы готовимся к тому, что будет дальше. Мы — продолжение Скрижали. Мы должны защищать её.

Она повернулась к входу и положила руку на каменную арку.

— Мнемос, — сказала она тихо. — Помогите нам.

Свет внутри пещеры вспыхнул ярче, и каменная плита начала медленно опускаться, закрывая вход.

В последний момент они увидели, как Марк встретил две фигуры внизу, на склоне. Его золотая спираль засияла ослепительным светом — и на мгновение время остановилось.

Плита закрылась, оставляя их в темноте пещеры.

Они стояли втроём, слушая тишину, и знали, что мир снаружи уже никогда не будет прежним.

Где-то за пределами времени.

Двенадцать стояли вокруг Скрижали, и их свет был тихим, но глубоким.

— Они сделали выбор, — сказал Архон.

— Они сделали его не для нас, — сказал Мнемос. — Они сделали его для себя.

— Это правильно? — спросил Ферокс.

— Это их путь, — сказал Мнемос. — Мы можем только наблюдать.

— И верить, — сказал Каир.

— И верить, — согласился Мнемос.

Глава 18: голос Алтая

Россия. Республика Алтай. Пещера предков. Закрытая каменной плитой.

Тишина.

Она была не просто отсутствием звука — она была живой, плотной, как вода. Она окутывала их, и каждый чувствовал, как эта тишина проникает внутрь, в самую глубину их существа.

Тара стояла у алтаря, приложив ладонь к его холодной поверхности. Надя сидела на одном из двенадцати каменных сидений, сжимая в руке свой терминал, который больше не показывал никаких данных. Элио стоял у стены, глядя на символы, которые всё ещё слабо светились, но теперь их свет казался более глубоким, более древним.

— Мы закрыли вход, — сказал Элио. — Но надолго ли?

— Настолько, насколько нужно, — ответила Тара. —

Мнемос сказал, что мы должны быть готовы. Мы здесь, мы сделали выбор. Теперь остаётся только слушать.

— Слушать что? — спросила Надя. — Здесь ничего не слышно.

— Слушать не ушами, — сказала Тара. — Слушать сердцем. И землёй.

Она закрыла глаза и опустилась на колени у алтаря. Её руки легли на каменный пол, и она начала дышать глубоко, медленно, как учила её бабушка. Вдох — и тишина становится тоньше. Выдох — и она проникает глубже.

Элио и Надя переглянулись.

— Что мы должны делать? — спросил он.

— Просто будьте здесь, — сказала Тара, не открывая глаз. — Откройте своё сознание. Позвольте земле говорить с вами.

Надя колебалась. Она привыкла контролировать всё — данные, процессы, свою жизнь. Но здесь, в этой пещере, контроль был иллюзией. Она медленно опустилась на колени, как Тара, и положила ладони на холодный камень.

Элио последовал её примеру.

Тишина стала глубже.

Сначала ничего не было.

Только холод камня, только ритм их собственного дыхания. Но затем, постепенно, как будто из самой глубины земли, начал подниматься звук. Он был едва слышным, похожим на далёкий гул, но он становился всё отчётливее, всё

ближе.

Это был голос.

Не человеческий. Не язык, который они знали. Но они понимали его — не словами, а смыслом. Он проникал прямо в сознание, минуя слух.

— *Вы пришли. Вы пришли к истоку.*

— Кто ты? — спросила Тара мысленно.

— *Я — голос Алтая. Я — память земли. Я — то, что было до Двенадцати, до Скрижали, до времени. Я — начало.*

Перед ними, в центре зала, начал формироваться свет. Он не был ярким, но он был живым — он двигался, переливался, принимал формы, которые нельзя было описать словами. Это было похоже на то, как если бы сама земля создала своё воплощение.

— *Вы ищете ответы,* — сказал голос. — *Но ответы не в словах. Ответы — в самой ткани бытия. Вы — часть этой ткани. Вы — её узлы. И вы должны понять, что ваше предназначение — не управлять временем, а стать его голосом.*

— Что значит «стать голосом»? — спросил Элио, и его голос дрожал.

— *Это значит,* — ответил голос, — *что вы должны научиться говорить с временем, а не приказывать ему. Слышать его, а не слышать только себя. Время — это не инструмент. Это — живое существо. Оно дышит. Оно чувствует. Оно ждёт, когда вы научитесь говорить с ним на его языке.*

Надя открыла глаза. Она смотрела на светящуюся форму и чувствовала, как внутри неё что-то откликается — не разумом, а чем-то более глубоким.

— Мы не должны управлять временем, — сказала она медленно. — Мы должны... резонировать с ним.

— Да, — сказал голос. — *Ты поняла. Вы должны стать теми, через кого время будет говорить миру. Вы — проводники, а не повелители.*

Тара подняла голову.

— Бабушка говорила мне, что я должна слушать горы. Я думала, что это просто поэзия. Но это было правдой.

— *Твоя бабушка была мудрой, — сказал голос. — Она знала, что земля — это книга. И её страницы — это время. Вы должны научиться читать их.*

Свет начал мерцать, становясь то ярче, то тусклее, как дыхание.

— *Вы должны вернуться в мир, — сказал голос. — И вы должны открыть другим то, что узнали здесь. Но сначала вы должны научиться слышать голос времени внутри себя.*

— Как? — спросила Надя. — Как мы можем научиться?

— *Закройте глаза, — сказал голос. — И слушайте тишину. Внутри вас есть ответ. Он всегда был там.*

Они закрыли глаза.

Тишина наполнилась звуками.

Но это были не обычные звуки. Это были звуки времени — шёпот ветвей, пульсация узлов, дыхание Скрижали. Они

слышали, как время течёт вокруг них, сквозь них, внутри них.

И они поняли.

Они не просто люди, которые случайно наткнулись на тайну. Они были частью этой тайны с самого начала. Их души были сплетены из тех же нитей, что и Скрижаль. И их путь был не случайным — он был предопределён с самого начала.

Элио открыл глаза. В них стояли слёзы.

— Я чувствую это, — сказал он. — Я чувствую, как время течёт через меня. Как будто я всегда был его частью.

Надя медленно поднялась.

— Мнемос сказал, что мы — продолжение Скрижали. Теперь я понимаю, что это значит. Мы не должны управлять временем. Мы должны быть его голосом.

Тара встала последней.

— Мы готовы, — сказала она. — Мы готовы вернуться в мир и сделать то, что должны.

Свет начал угасать. Голос Алтая становился тише, но его присутствие оставалось в их сердцах.

— *Идите*, — сказал он. — *И помните: вы никогда не будете одни. Земля всегда будет с вами.*

И тишина вернулась.

Они стояли в центре зала, чувствуя, что мир внутри них изменился.

— Теперь мы знаем, — сказала Тара. — Мы знаем, что должны делать.

— Мы должны выйти и сказать другим, — сказал Элио.

— Но кто поверит нам?

— Те, кто готов слушать, — ответила Надя. — Те, кто тоже слышит голос времени.

Они повернулись к каменной плите, которая закрывала вход.

— Марк снаружи, — сказала Тара. — Мы должны помочь ему.

Она подошла к плите и приложила к ней руку.

— Откройся, — сказала она. — Мы готовы.

Плита медленно начала подниматься.

Свет снаружи проник в пещеру, ослепительный и чистый.

Они шагнули в него, готовые встретить то, что ждало их снаружи.

Где-то за пределами времени.

Мнемос стоял у края Скрижали, и его форма была прозрачной, как туман.

— Голос Алтая говорит с ними, — сказал он. — Голос земли, голос памяти, голос времени.

— Что он говорит им? — спросил Каир.

— Он говорит им, кто они, — сказал Мнемос. — Он говорит им, что они — продолжение Скрижали.

— Они уже знают это, — сказал Архон.

— Знать и слышать — разные вещи, — сказал Мнемос. — Теперь они слышат.

Глава 19: встреча у входа

Россия. Республика Алтай. Пещера предков. Выход.

Каменная плита поднялась с низким, протяжным звуком, и свет хлынул внутрь, ослепляя их после долгой тишины пещеры.

Тара вышла первой. Она щурилась от солнца, которое отражалось от снега на склонах гор. Ветер коснулся её лица, принося запах камня и сухой травы.

Надя вышла следом, держа в руке свой терминал, который теперь казался почти бесполезным — но она всё ещё носила его, как напоминание о том, кем она была до того, как вошла в пещеру.

Элио вышел последним, глубоко вдохнув воздух, который казался ему свежее, чище, чем когда-либо раньше.

И тогда они увидели его.

Марк стоял у входа, опираясь на большой камень. Его лицо было бледным, на щеке виднелась ссадина, а одежда была порвана, но он стоял твёрдо. Его золотая спираль на груди всё ещё слабо светилась, как будто она говорила с ним на языке, который только он мог слышать.

Он посмотрел на них, и в его взгляде не было враждебности. Только усталость и что-то похожее на облегчение.

— Вы вышли, — сказал он на русском, а затем перешёл на английский, чтобы все могли понять. — Я боялся, что вы не вернётесь.

Тара подошла к нему ближе.

— Что случилось? Где они? Те двое?

— Я задержал их, — ответил Марк. — Но, не надолго. Они отступили, но я знаю, что они вернутся. Они не из нашего времени. Они используют технологии, которые позволяют им двигаться быстрее, чем мы можем видеть. Они служат кому-то... я не знаю кому. Но их цель — захватить Скрижаль.

Надя подошла к нему и внимательно посмотрела на его рану.

— Ты ранен.

— Пустяки, — ответил он. — Главное — вы целы. Вы нашли то, что искали?

— Мы нашли не просто ответы, — сказал Элио. — Мы нашли себя. Мы поняли, что не должны управлять временем. Мы должны стать его голосом.

Марк удивлённо приподнял бровь.

— Его голосом? Что это значит?

— Это значит, что мы должны научиться говорить с ним, — сказала Тара. — Слышать его и передавать его голос миру. Мы — не повелители времени. Мы — проводники.

Марк на мгновение замолчал, глядя на них. Затем он медленно кивнул.

— Я понимаю, — сказал он. — Я носил свою спираль двадцать лет, пытаясь понять её. Но я всегда искал способ контролировать, а не слушать. Теперь я вижу, что был неправ.

Он протянул руку Таре.

— Если вы позволите, я хочу идти с вами. Не как враг. Как союзник.

Тара взяла его руку.

— Мы принимаем тебя, Марк. Ты всегда был частью этого

— ты просто не знал.

Они стояли у входа в пещеру, чувствуя, как ветер с гор касается их лиц.

— Теперь у нас есть знание, — сказал Элио. — Но у нас есть и враг. Мы должны защитить это место.

— И мы должны защитить Скрижаль, — добавила Надя. — Если они захватят её, они смогут управлять временем для своей власти. Мы не можем позволить этому случиться.

Марк кивнул.

— Я знаю, как они действуют. Они используют временные сдвиги, чтобы двигаться быстрее. Но они уязвимы в одном: они не могут атаковать то, что находится в резонансе с временем. Если мы сможем создать поле резонанса вокруг пещеры, они не смогут проникнуть внутрь.

— Как мы можем создать такое поле? — спросила Тара.

— С помощью наших спиралей, — сказал Марк. — Все четыре спирали, если их объединить, создадут поле, которое будет резонировать на частоте Скрижали. Они не смогут пройти через него.

Надя посмотрела на свой терминал.

— У меня есть данные о частотах, которые мы использовали в зале «Металла». Если я смогу синхронизировать их с вашими спиралями, мы сможем создать это поле.

— Мы будем работать вместе, — сказала Тара. — Все чет-

веро.

Они посмотрели на горы вокруг. Где-то там, вдали, двигались тени — приближающиеся, но ещё не готовые атаковать.

— У нас есть время? — спросил Элио.

— Немного, — ответил Марк. — Но мы должны использовать его максимально.

Они начали готовиться.

Тара и Марк разместили свои спирали у входа в пещеру, создавая основу поля. Надя подключила свой терминал к золотой спирали Марка, синхронизируя частоты. Элио помогал, используя свои знания о резонансе и материалах.

— Мы должны быть точными, — сказала Надя. — Даже небольшое отклонение может разрушить поле.

— Мы будем точными, — ответила Тара. — Мы — продолжение Скрижали. Мы чувствуем её частоту.

Они работали в тишине, но это была не обычная тишина. Это была тишина согласия — как будто они все дышали в одном ритме, синхронизируясь друг с другом.

Через час поле было готово. Спирали начали светиться, и между ними возникла тонкая светящаяся паутина, которая окутала вход в пещеру.

— Теперь они не смогут пройти, — сказал Марк.

— Но они могут попытаться разрушить поле, — сказал Элио. — Мы должны быть готовы защищать его.

— Мы будем защищать его, — сказала Тара. — Вместе.

Они стояли у входа, глядя на горы.

Где-то там, вдали, двигались тени — приближающиеся, неумолимые.

Но они больше не боялись.

Они были вместе.

И они были готовы.

Где-то за пределами времени.

Ферокс стоял у края Скрижали, и его форма была острой, как удар молнии.

— Они вышли, — сказал он. — Они вышли из пещеры.

— И они встретили его, — сказал Мнемос. — Того, кто был тенью.

— Он больше не тень, — сказал Проноя.

— Нет, — сказал Мнемос. — Он стал светом.

— Они все стали светом, — сказал Каир.

— Да, — сказал Мнемос. — Они все стали светом.

Глава 20: внутри Скрижали

Россия. Республика Алтай. Пещера предков. Вход.

Они почувствовали это одновременно.

Тара подняла голову, глядя на горы. Надя замерла, её терминал вспыхнул предупреждением. Элио и Марк обернулись в одном движении — как будто их тела знали то, что разум ещё не успел осознать.

— Они идут, — сказал Марк.

Тени на склонах стали отчётливее. Они двигались быстро — не как люди, а как сгустки света, которые перетекали с камня на камень. Их было больше, чем двое — теперь их

было семеро.

— Они знают, что мы здесь, — сказала Надя. — Они знают, что мы нашли Скрижаль.

— Тогда мы не дадим им войти, — сказала Тара. — Мы защитим это место.

Она шагнула к входу в пещеру, где светящаяся паутина поля резонанса пульсировала в такт с её сердцем. Надя, Элио и Марк встали рядом с ней, образуя линию.

Семь фигур приближались. В их движениях не было неуверенности — только целеустремлённость. Они были воинами времени, обученными тому, о чём герои только догадывались.

— Они используют временные сдвиги, — сказала Надя, глядя на данные, которые отображались на её терминале. — Они двигаются быстрее, чем наши глаза могут видеть. Но я могу предсказать их траекторию.

— Мы должны быть быстрее, — сказала Тара. — Мы должны быть единым целым.

Она положила руку на сердце и закрыла глаза.

— Вспомните голос Алтая. Вспомните, что мы — продолжение Скрижали. Мы не просто защищаем её — мы ею являемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.